

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

СКАЗКА О ТРОЙКЕ

ПРОЛОГ

Эта история началась с того, что в разгар рабочего дня, когда я потел над очередной рекламацией в адрес Китежградского завода маготехники, у меня в кабинете объявился мой друг Эдик Амперян. Как человек вежливый и воспитанный, он не возник бесцеремонно прямо на колченогом стуле для посетителей, не ввалился нагло через стену, и не ворвался в открытую форточку в обличье булыжника, пущенного из катапульты. В большинстве мои друзья постоянно куда-то спешили, что-то не успевали, где-то опаздывали, а потому возникали, вламывались и врываются с совершенной непринужденностью, пренебрегая обыкновенными коммуникациями. Эдик был не из таких: он скромно вошел в дверь. Он даже предварительно постучал, но у меня не было времени ответить. Он остановился передо мной, поздоровался и спросил:

- Тебе все еще нужен Черный Ящик?

- Ящик? - пробормотал я, не в силах оторваться от рекламации. - Как тебе сказать... Какой, собственно ящик?

- Кажется, я мешаю, - осторожно сказал вежливый Эдик. - Ты меня извини, но меня послал шеф... Дело в том, что примерно через час будет произведен первый запуск лифта новой системы за пределы тринадцатого этажа. Нам предлагают воспользоваться.

Мой мозг был все еще окутан ядовитыми парами рекламационной фразеологии, и поэтому я только тупо проговорил:

- Какой лифт должен был быть отгружен в наш адрес еще тринадцатого этажа сего года...

Однако затем первые десятки битов Эдиковой информации достигли моего серого вещества. Я положил ручку и попросил повторить. Эдик терпеливо повторил.

- Это точно? - спросил я замирающим шепотом.

- Абсолютно, - сказал Эдик.

- Пошли, - сказал я, вытаскивая из стола папку с копиями своих заявок.

- Куда?

- Как - куда? На семьдесят шестой!

- Не вдруг, - сказал Эдик, покачав головой. - Сначала надо зайти к шефу.

- Зачем это?

- Он просил зайти. С этим семьдесят шестым какая-то история. Шеф хочет нас напутствовать.

Я пожал плечами, но спорить не стал. Я надел пиджак, извлек из папки заявку на Черный Ящик, и мы отправились к Эдикову шефу, Федору Симеоновичу Киврину, заведующему отделом Линейного счастья.

На лестничной площадке первого этажа перед решетчатой шахтой лифта царил необычайное оживление. Дверь шахты была распахнута, дверь кабины - тоже, горели многочисленные лампы, сверкали зеркала, тускло отсвечивали лакированные поверхности. Под старым, уже поблекшим транспарантом "Сдадим лифт к празднику!" толпились любопытные и жаждущие покататься. Все почтительно внимали замдиректора по АХЧ Модесту Матвеевичу Камноедову, произносившему речь перед строем монтеров Соловецкого котлонадзора.

- ...Это надо прекратить, - внушал Модест Матвеевич. - Это лифт, а не всякие там спектроscopy - микроскопы. Лифт есть мощное средство передвижения, это первое. А также средство транспорта. Лифт должен быть как самосвал: приехал, вывалил и обратно. Это во-первых. Администрации давно известно, что многие товарищи ученые, в том числе отдельные академики, лифтом эксплуатировать не умеют. С этим мы боремся, это мы прекращаем. Экзамен на право вождения лифта, невзирая на прошлые заслуги... учреждение звания отличного лифтовода... и так далее. Это во-вторых. Но монтеры со своей стороны должны обеспечить бесперебойность. Нечего, понимаете, ссылаться на объективные обстоятельства. У нас лозунг:

лифт для всех, не взирая на лица. Лифт должен выдержать прямое попадание в кабину самого необученного академика.

Мы пробрались через толпу и двинулись дальше. Торжественная обстановка этого импровизированного митинга произвела на меня большое впечатление. Чувствовалось, что сегодня лифт, наконец, действительно заработает и будет работать может быть целые сутки. Это было знаменательно. Лифт всегда был ахиллесовой пятой нашего института и лично Модеста Матвеевича. Собственно, ничем особенным он не отличался. Лифт как лифт, со своими достоинствами и со своими недостатками. Как и полагается порядочному лифту, он постоянно норовил застрять между этажами, вечно был занят, вечно пережигал ввинченные в него лампочки, требовал безукоризненного обращения с шахтными дверьми, и, входя в кабину, никто не мог сказать с уверенностью, где и когда удастся выйти. Но была у нашего лифта одна особенность. Он терпеть не мог подниматься выше двенадцатого этажа. То есть, конечно, история института знала случаи, когда отдельные умельцы ухитрялись взнудать строптивый механизм и, дав ему шенкеля, поднимались на совершенно фантастические высоты. Но для массового человека вся бесконечная громада Института выше двенадцатого этажа оставалась сплошным белым пятном. Об этих территориях, почти полностью отрезанных от мира и от административного влияния, ходили всевозможные, зачастую противоречивые слухи. Так утверждалось, например, что сто двадцать четвертый этаж имеет выход в соседствующее пространство с иными физическими свойствами, на двести тринадцатом этаже обитает якобы неведомое племя алхимиков - идейных наследников знаменитого "Союза Девяти", учрежденного просвещенным индийским царем Ашокою, а на тысяча семнадцатом до сих пор живут себе не тужат у самого Синего моря старик, старуха и золотые мальки Золотой Рыбки.

Лично меня, как и Эдика, больше всего интересовал семьдесят шестой этаж. Там, согласно инвентарной ведомости, хранился Идеальный Черный Ящик, необходимый для вычислительной лаборатории, а также проживал некий Говорящий Клоп, в котором крайне и давно нуждался отдел Линейного счастья. Насколько нам известно, на семьдесят шестом этаже размещалось нечто вроде склада дефицитных явлений природы и общества, и многие наши сотрудники вождели попасть туда и запустить хищные руки свои в эту сокровищницу. Федор Симеонович, например, грезил о раскинувшихся якобы там гектарах гранулированной Почвы для Оптимизма. Ребятам из отдела Социальной метеорологии позарез нужен был хотя бы один квалифицированный Холодный Сапожник - а там их значилось трое, и все как один с эффективной температурой, близкой к абсолютному нулю. Кристоаль Хозевич Хунта, заведующий отделом Смысла жизни и доктор самых неожиданных наук, рвался выловить на семьдесят шестом уникальный экземпляр так называемой Мечты Бескрылой Приземленной, дабы набить из нее чучело. Шесть раз за последние четверть века он пытался пробиться на семьдесят шестой этаж напролом, через перекрытия, используя свои исключительные способности к вертикальной трансгрессии, но даже ему это не удавалось: все этажи выше двенадцатого были, в соответствии с хитроумным замыслом древних архитекторов, наглухо заблокированы для всех видов трансгрессии. Таким образом, успешный запуск лифта означал бы новый этап в жизни нашего коллектива.

Мы остановились перед кабинетом Федора Симеоновича, и старенький домовой Тихон, чистенький и благообразный, приветливо распахнул перед нами двери. Мы вошли.

Федор Симеонович был не один. За его обширным столом сидел, небрежно развалившись в покойном кресле, оливковый Кристоаль Хозевич Хунта и сосал пахучую гаванскую сигару. Сам Федор Симеонович, заложив большие пальцы за яркие подтяжки, расхаживал по кабинету, опустив голову и стараясь ступать по самому краю шемаханского ковра. На столе красовались в хрустальной вазе райские плоды: крупные румяные яблоки Познания Зла и совершенно несъедобные на вид, но тем не менее всегда червивые яблоки Познания Добра. Фарфоровый сосуд у локтя Кристоаля Хозевича был полон огрызков и окурков.

Обнаружив нас, Федор Симеонович остановился.

- А вот и они с-сами, - произнес он без обычной улыбки. - П-прошу садиться. В-ремя дорого. К-камнеедов этот - болтун, но он с-скоро закончит. К-кристо, изложи об-бстоятельства, а то у меня это всегда плохо получается.

Мы сели. Кристоаль Хозевич, прищуря правый глаз от дыма, оценивающе

оглядел нас.

- Изволь, изложу, - сказал он Федору Симеоновичу. - Обстоятельства дела, молодые люди, таковы, что первым на семьдесят шестой этаж надлежало бы отправиться нам, людям опытным и умелым. К сожалению, по мнению администрации, мы слишком старые и слишком уважаемы для первого испытательного запуска. Поэтому отправитесь вы, и я вас сразу предупреждаю, что это не простая прогулка, что это разведка, может быть, разведка боем. От вас потребуется выдержка, отвага и предельная осмотрительность. Лично я не наблюдаю в вас этих качеств, однако я готов уступить рекомендации Федора Симеоновича. И, во всяком случае, вы должны знать, что скорее всего вам придется действовать на территории врага - врага неумолимого, жестокого и ни перед чем не останавливающегося.

От такого вступления у меня мурашки пошли по коже, но тут Кристоаль Хозевич принялся излагать, как обстоит дело.

А дело обстояло следующим образом. На семьдесят шестом этаже располагался, оказывается, древний город Тъмускорпионь, захваченный в свое время в качестве трофея мстительным Вещим Олегом. Спокон веков Тъмускорпионь был средоточением странных явлений и ареной странных событий. Почему это происходило - неизвестно, но все, что на каждом этапе научного, технического и социального прогресса не могло быть разумно объяснено, попадало именно туда для хранения до лучших времен. Так что еще во времена Петра Великого одновременно с учреждением в Санкт-Петербурге знаменитой Куншт-Камеры и в подражание ей, тогдашняя соловецкая администрация в лице бомбардир-поручика Птахи и его полуроты гренадер учредила в Тъмускорпиони "Его Императорского Величества Пречудесных и Преудивительных Кунштоф Камеру с острогом и двумя банями". В те времена семьдесят шестой этаж был вторым, о лифтах никто слухом не слыхал, и в "Е.И.В Кунштоф Камеру" попасть было гораздо легче, чем в баню. В дальнейшем же, по мере повсеместного роста Здания Науки, доступ туда все более затруднялся, а с появлением лифта прекратился почти вовсе. А между тем "Кунштоф Камера" все росла, обогащаясь новыми экспонатами. Превратилась при Екатерине Второй в "Зоологический и прочих чудес натуры Императорский Музеум", затем при Александре Втором в "Российский Императорский Заповедник Магических, Спиритических и Оккультных феноменов" и, наконец, в Государственную Колонию необъясненных явлений при НИИЧАВО Академии Наук. Разрушительные последствия изобретения лифта мешали использовать эту сокровищницу для научных целей. Деловая переписка с тамошней администрацией была чрезвычайно затруднена и имела неизбежно затяжной характер: спускаемые сверху тросы с корреспонденцией рвались под собственной тяжестью, почтовые голуби отказывались летать так высоко, радиосвязь была неуверенной из-за отсталости тъмускорпионьской техники, а применение воздухоплавательных средств приводило лишь к расходу дефицитного гелия... Впрочем, все это была только история.

Примерно двадцать лет назад взыгравший лифт забросил на семьдесят шестой этаж инспекционную комиссию Соловецкого горкомхоза, скромно направлявшуюся обследовать забитую канализацию в лабораториях профессора Выбегаллы на четвертом этаже. Что в точности произошло - осталось неизвестным, сотрудник Выбегаллы, дожидавшийся комиссию на лестничной площадке, рассказывал, что кабина лифта с безумным ревом пронеслась вверх по шахте, за стеклянной дверцей мелькнули искаженные лица, и страшное видение исчезло. Ровно через час кабина была обнаружена на двенадцатом этаже, взмыленная, всхрапывающая и еще дрожащая от возбуждения. Комиссии в кабине не было, к стене канцелярским клеем была приклеена записка на обороте "Акта о неудовлетворительном состоянии". В записке значилось: "Выхожу на обследование. Вижу странный камень. Тов. Фарфуркису объявлен выговор за уход в кусты. Председатель комиссии - Л.Вунюков".

Долгое время никто не знал, где, собственно, покинул кабину Л.Вунюков с подчиненными. Приходила милиция, было много неприятностей. Потом, месяц спустя, на крыше кабины обнаружили два запечатанных пакета, адресованных заведующему горкомхоза. В одном пакете содержалась пачка приказов на папиросной бумаге, в которых объявлялись выговора то товарищу Фарфуркису, то товарищу Хлебовводову - большей частью за проявления индивидуализма и за какую-то непонятную "зубовщину". Во втором пакете находились материалы обследования состояния канализации Тъмускорпиони (состояние признавалось неудовлетворительным) и заявление в бухгалтерию о

начислении высокогорных и дополнительных командировочных. После этого корреспонденция сверху стала поступать довольно регулярно. Сначала протоколы заседаний инспекционной комиссии города, потом протоколы просто инспекционной комиссии, потом особой комиссии по расследованию обстоятельств, и вдруг - Временной Тройки по расследованию деятельности коменданта Колонии Необъясненных Явлений г. Зубо и, наконец, после трех подряд докладных "о преступной небрежности", где Л. Вунюков подвизался в качестве председателя Тройки по Рационализации и Утилизации Необъясненных Явлений (ТПРУНЯ), сверху перестали спускать протоколы и принялись спускать циркуляры и указания. Бумаги эти были страшны как по форме, так и по содержанию. Они неопровержимо свидетельствовали о том, что бывшая комиссия горкомхоза узурпировала власть в Тьмускорпиони, и что распорядиться этой властью разумно она была не в состоянии.

- Главная опасность заключается в том, - размеренным голосом продолжал Кристоаль Хозевич, посасывая потухшую сигару, - что в расположении этих проходимцев находится небезызвестная Большая Круглая Печать. Я надеюсь, вы понимаете, что это значит...

- Понимаю, - сказал Эдик тихо. - Не вырубишь топором... - Ясное лицо его затуманилось. - А что, если мы применим реморализатор?

Кристоаль Хозевич переглянулся с Федором Симеоновичем.

- Можно, конечно, попытаться, - сказал он, пожимая плечами. - Однако боюсь, что процессы зашли слишком далеко...

- Н-нет, п-почему же, - возразил Федор Симеонович. - Примените, п-примените, Эдик, не автоматы же там применять... К-кстати, у них же там еще и Выбегалло...

- Как так? - изумились мы.

Оказалось, что три месяца назад сверху поступило требование на научного консультанта с фантастическим окладом денежного содержания. Никто в этот оклад не верил, а более всех - профессор Выбегалло, который в это время как раз заканчивал большую работу по выведению путем перевоспитания самонадевающегося на рыболовный крючок дождевого червя. О своем недоверии Выбегалло во всеуслышание объявил на Ученом совете и тем же вечером бежал, бросив все. Многие видели, как он, взявши портфель в зубы, карабкался по внутренней стене шахты, выходя на этажах, кратных пяти, дабы укрепить свои силы в буфете. А через неделю сверху был спущен приказ о зачислении профессора Выбегалло А. А. научным консультантом при ТПРУНЯ с обещанным окладом и надбавками за знание иностранных языков.

- Спасибо, - сказал вежливый Эдик, - это ценная информация. Так мы пойдем?

- Идите, идите, г-голубчики, - растроганно произнес Федор Симеонович. Он поглядел в магический кристалл. - Д-да, уже пора, К-камнеедов б-близится к концу. И п-поосторожней там... Д-дремучее место, ж-жуткое...

- И никаких эмоций! - настойчиво напомнил Кристоаль Хозевич. - Не будут вам давать ваших клопов и ящиков - не надо. Вы - лазутчики, с вами будет установлена односторонняя телепатическая связь. Мы будем следить за каждым вашим шагом. Собирайте информацию - вот ваша основная задача.

- Мы понимаем, - сказал Эдик.

Кристоаль Хозевич снова оценивающе оглядел нас.

- Модеста бы им с собой взять, - пробормотал он, - клин - клином... - Он безнадежно махнул рукой. - Ладно, идите. Буонавентура.

Мы вышли, и Эдик сказал, что теперь надо зайти к нему в лабораторию и взять реморализатор. Последнее время он увлекался практической реморализацией. В лаборатории у него в девяти шкафах размещался опытный агрегат, принцип действия которого сводился к тому, что он подавлял в облучаемом примитивные рефлексy и извлекал на поверхность и направлял вовне разумное, доброе и вечное. С помощью этого опытного реморализатора Эдику удалось излечить одного филателиста-тиффоzi, вернуть в лоно семьи двух слетевших с нарезки хоккейных болельщиков и ввести в рамки застарелого клеветника. Теперь он лечил от хамства нашего большого друга Витьку Корнеева, но пока безуспешно.

- Как мы все это потащим? - сказал я, со страхом озирая шкафы.

Однако Эдик успокоил меня. Оказывается, у него уже был почти готов портативный вариант, менее мощный, но достаточный, как Эдик надеялся, для наших целей. "Там я его допаяю и отлажу", - сказал он, пряча в карман плоскую металлическую коробочку.

Когда мы вновь вернулись на лестничную площадку, Модест Матвеевич заканчивал свою речь.

- ...это мы тоже прекратим, - утверждал он несколько осипшим голосом, - потому что, во-первых, лифт бережет наше здоровье. Это первое. И бережет рабочее время. Лифт денег стоит, и курить в нем мы категорически не позволим... Кто здесь добровольцы? - спросил он, неожиданно поворачиваясь к толпе.

Несколько голосов тотчас откликнулись, но Модест Матвеевич эти кандидатуры отвел. "Молоды еще в лифтах ездить, - объявил он, - это вам не спектроскоп". Мы с Эдиком молча протиснулись в первый ряд.

- Нам на семьдесят шестой, - негромко сказал Эдик.

Воцарилась почтительная тишина. Модест Матвеевич с огромным сомнением оглядел нас с ног до головы.

- Жидковаты, - пробормотал он раздумчиво, - зеленоваты еще... Курите? - спросил он.

- Нет, - ответил Эдик.

- Изредка, - сказал я.

Из толпы на Модеста Матвеевича набежал домовый Тихон и что-то прошептал ему на ухо. Модест Матвеевич поджал губы и надулся.

- Это мы еще проверим, - сказал он недовольно и добыл из кармана свою записную книжку. - За каким делом вы отправляетесь, Амперян? - спросил он недовольно.

- За Говорящим Клопом, - ответил Эдик.

- А вы, Привалов?

- За Черным Ящиком.

- Хм... - Модест Матвеевич полистал книжку, - Верно... Имеются...

Та-ак... Колония Необъясненных Явлений... Покажите заявки.

Мы показали.

- Ну что ж, поезжайте... Не вы первые, не вы последние...

Он взял под козырек. Раздалась печальная музыка. Толпа заволновалась.

Мы вступили в кабину. Мне было грустно и страшно, я вспомнил, что не попрощался со Стеллочкой. "Стопчут их там, - объяснял кому-то Модест Матвеевич. - Жалко... Ребята неплохие... Амперян вон даже не курит, в рот не берет..." Металлическая дверь шахты с лязгом захлопнулась. Эдик, не глядя на меня, нажал кнопку семьдесят шестого этажа. Дверь автоматически задвинулась, вспыхнула надпись: "Не курить! Пристегнуть ремни!", и мы отправились в путь.

Поначалу кабина шла лениво, вялой трусцой. Чувствовалось, что никуда ей не хочется. Мимо нас уплывали вниз знакомые коридоры, печальные лица друзей, самодельные плакаты "Молодцы!" и "Вас не забудут". На двенадцатом этаже нам в последний раз помахали платочками, и кабина вступила в неизвестные области. Показывались и исчезали необитаемые на вид, пустые помещения, толчки становились все реже, все слабее, кабина, казалось, засыпала на ходу и на шестнадцатом этаже остановилась совсем.

Мы едва успели перекинуться парой фраз с какими-то вооруженными людьми, которые оказались сотрудниками отдела Заколдованных сокровищ, как вдруг кабина взвилась на дыбы и с железным ржанием устремилась в зенит бешеным галопом. Замигали лампочки, защелкали тумблеры. Страшная перегрузка вдавила нас в пол. Чтобы удержаться на ногах, мы с Эдиком ухватились друг за друга. В зеркалах отразились наши вспотевшие от напряжения лица, и мы уже приготовились к худшему, но тут галоп сменился мелкой рысью, сила тяжести упала до полутора "же", и мы приободрились. Екая селезенкой, кабина причалила к пятьдесят седьмому этажу и остановилась снова. Раздвинулась дверь, вошел грузный пожилой человек с аккордеоном наизготовку, небрежно сказал нам: "Общий привет!", - и нажал кнопку шестьдесят третьего этажа. Когда кабина двинулась, он прислонился к стенке и, мечтательно закатив глаза, принялся тихонько наигрывать "Кирпичики". "Снизу?" - лениво осведомился он, не поворачивая головы. "Снизу", - ответили мы. "Камнеодов все работает?" - "Работает". "Ну привет ему", - сказал незнакомец и больше не обращал на нас внимания. Кабина неторопливо поднималась, подрагивая в такт "Кирпичикам", а мы с Эдиком от стесненности принялись изучать "Правила пользования лифтом", вытравленные на медной доске. Мы узнали, что запрещается: селиться в кабине летучим мышам, вампирам и белкам-летягам; выходить сквозь стены в случае остановки кабины между этажами; провозить в кабине горючие и взрывчатые вещества, а

также сосуды с джинами и ифритов без огнеупорных намордников; пользоваться лифтом домовым и вурдалакам без сопровождающих... Запрещалось также всем без исключения производить шалости, заниматься сном и совершать подпрыгивания. Дочитать до конца мы не успели. Кабина снова остановилась, незнакомец вышел, и Эдик снова нажал кнопку семьдесят шестого. В ту же секунду кабина рванулась вверх так стремительно, что у нас потемнело в глазах. Когда мы отдышались, кабина стояла неподвижно, двери были раскрыты. Мы были на семьдесят шестом этаже. Поглядев друг на друга, мы вышли, подняв над головой заявки, как белые парламентские флаги. Не знаю, чего мы, собственно, ожидали. Чего-то плохого.

Однако ничего страшного не произошло. Мы оказались в круглом, пустом, очень пыльном зале с низким серым потолком. Посередине возвышался вросший в паркет белый валун, похожий на надолб, вокруг валуна в беспорядке валялись старые пожелтевшие кости. Пахло мышами, было сумрачно. Вдруг шахтная дверь позади нас с лязгом захлопнулась сама собой, мы вздрогнули, обернулись, но успели увидеть только мелькнувшую крышу провалившейся кабины. Зловещий удаляющийся гул прокатился по залу и замер. Мы были в ловушке. Мне немедленно и страстно захотелось назад, вниз, но выражение растерянности, промелькнувшее на лице Эдика, придало мне силы. Я выпятил челюсть, заложил руки за спину и на прямых ногах, храня вид независимый и скептический, направился к камню. Как я и ожидал, камень оказался чем-то вроде дорожного указателя, часто встречающегося в сказках.

Надпись на нем выглядела следующим образом:

\$1 На лево пойд
еш - головушку потеря
еш \$2 Направо пойдеш
никуда не придеш \$3 Пря
мо пой с в ух ь

- Последнюю строчку скололи, - пояснил Эдик. - Ага, тут еще какая-то надпись карандашом... "Мы... здесь... посоветовались с народом, и есть мнение, что идти следует... прямо." Подпись: Л. Вунюков.

Мы посмотрели прямо. Теперь, когда глаза наши привыкли к рассеянному свету, попадающему в зал неизвестно каким образом, мы увидели двери. Их было три. Ведущие, так сказать, направо и налево, были заколочены досками, а к двери прямо, огибая камень, вела от лифта протоптанная в пыли тропинка. "Не нравится мне все это, - сказал я с мужественной прямоотой. - Кости какие-то..." - "Кости, по-моему, слоновьи, - сказал Эдик. - Впрочем, это не важно. Не возвращаться же нам." - "Может, все-таки напишем записку и бросим в лифт? - предложил я. - Сгинем ведь бесследно." - "Саша, - сказал Эдик, - не забудь, что мы находимся в телепатической связи. Неудобно. Встряхнись." Я встряхнулся. Я снова выпятил челюсть и решительно двинулся к двери прямо. Эдик шел рядом со мной. "Рубикон перейден!" - заявил я и пнул дверь ногой. Впрочем, эффект пропал даром: на двери оказалась малоприметная табличка "тянуть к себе", и Рубикон пришлось переходить вторично, уже без жестов, через унижительное преодоление мощной пружины.

Сразу за дверью оказался парк, залитый солнечным светом. Мы увидели песчаные аллеи, подстриженные кусты и предупреждения "По газонам не ходить и траву не есть". Напротив стояла чугунная садовая скамейка с проломленной спинкой, а на скамейке читал газету, пошевеливая длинными пальцами босых ног, какой-то странный человек в пенсне. Заметив нас, он почему-то смутился, не опуская газеты, ловко снял ногой пенсне, протер линзы о штанины и вновь водрузил на место. Потом положил газету и поднялся. Он был велик ростом, неимоверно волосат, одет в чистую белую безрукавку и синие холщовые штаны на помочах. Золоченное пенсне сжимало его широкую черную переносицу и придавало ему какой-то иностранный вид. Было в нем что-то от политической карикатуры в центральной газете. Он повел большими острыми ушами, сделал несколько шагов нам навстречу и произнес хриплым, но приятным голосом:

- Добро пожаловать в Тъмускорпионь, - сказал он. - Разрешите представиться. Федор, снежный человек.

Мы молча поклонились.

- Вы ведь снизу, - продолжал он. - Слава богу, я жду вас уже больше

года - с тех пор, как меня рационализировали. Давайте присядем. До вечернего заседания Тройки остается около часа, и очень хотелось, с вашего позволения, чтобы вы пришли на это заседание хоть как-то подготовленными. К сожалению, знаю я немного, но я знаю...

ДЕЛО N 42. СТАРИКАШКА ЭДЕЛЬВЕЙС

Мы перешагнули порог комнаты заседаний ровно в пять часов. Мы были проинструктированы, мы были ко всему готовы, мы знали, на что идем. Во всяком случае, мне так казалось. Признаться, Федины объяснения несколько успокоили меня, Эдик же, напротив, впал в подавленное состояние. Эта подавленность удивляла меня, я относил ее целиком за счет того, что Эдик всегда был человеком чистой науки, далеким от всяких там входящих и исходящих, от дыроколов и ведомостей. И эта же его подавленность возбуждала во мне, человеке сравнительно опытным, ощущение превосходства, я чувствовал себя старшим и готов был вести себя соответственно.

В комнате находился пока только один человек, судя по Фединому описанию, комендант Колонии товарищ Зубо. Он сидел за маленьким столиком, держал перед собой раскрытую папку и так и подмигивал от какого-то нетерпеливого возбуждения. Был он тощ и похож на Дуремара, губы у него непрерывно двигались, а глаза были белые, как у античной статуи. Нас он сначала не заметил, и мы тихонько уселись у стены под табличкой "Представители". Комната была в три окна, у двери стоял голый демонстрационный стол, у стены напротив - другой стол, огромный, покрытый зеленой суконной скатертью. В углу возвышался чудовищный коричневый сейф; комендантский столик, заваленный канцелярскими папками, ютился у его подножия. В комнате был еще один маленький столик под табличкой "Научный консультант" и гигантский, на полторы стены, матерчатый лозунг "Народу не нужны нездоровые сенсации. Народу нужны здоровые сенсации". Я покосился на Эдика. Эдик, не отрываясь, глядел на лозунг. Эдик был убит.

Комендант вдруг встрепенулся, повел большим носом и обнаружил наше присутствие.

- Посторонние! - произнес он с испуганным изумлением.

Мы встали и поклонились. Комендант, не спуская с нас напряженного взора, вылез из-за своего столика, сделал несколько крадущихся шагов и, остановившись перед Эдиком, протянул руку. Вежливый Эдик, слабо улыбнувшись, пожал эту руку и представился, после чего отступил на шаг и поклонился снова. Комендант, казалось, был потрясен. Несколько мгновений он стоял в прежней позе, а затем поднес свою ладонь к лицу и недоверчиво осмотрел ее. Что-то было не так. Комендант быстро замигал, а потом с огромным беспокойством, как бы ища оброненное, принялся оглядывать пол под ногами. Тут до меня дошло.

- Документы! - прошипел я. - Документы ему дай!

Комендант, боязливо улыбаясь, продолжал озираться. Эдик торопливо сунул ему свое удостоверение и заявку. Комендант ожил. Действия его вновь стали осмысленными. Он пожрал глазами сначала заявку, потом фотографию на документе, а на закуску - самого Эдика. Сходство фотографии с оригиналом привело его в явный восторг.

- Очень рад! - воскликнул он. - Зубо моя фамилия. Комендант. Рад вас приветствовать. Устраивайтесь, товарищ Амперян, располагайтесь, нам с вами еще работать и работать... - Он вдруг остановился и поглядел на меня. Я уже держал удостоверение и заявку наготове. Процедура пожирания повторилась. - Очень рад! - воскликнул комендант с совершенно теми же интонациями. - Зубо моя фамилия. Комендант. Рад вас приветствовать. Устраивайтесь, товарищ Привалов, располагайтесь...

- Как насчет гостиницы? - деловито спросил я.

Мне казалось, что это будет верный тон. Но я ошибся. Комендант пропустил мой вопрос мимо ушей. Он уже разглядывал заявки.

- Ящик Черный Идеальный... - бормотал он. - Есть у нас таковой, не рассматривали еще... А вот Клоп Говорящий уже рационализирован, товарищ Амперян... Не знаю, не знаю... Это еще как Лавр Федотович посмотрит, а я бы на вашем месте поостерегся...

Он вдруг замолчал, прислушался и рысью кинулся на свое место. В

приемной слышались шаги, голоса, кашель, дверь распахнулась, движимая властной рукой и в комнате появилась Тройка в полном составе - все четверо.

Лавр Федотович Вунюков, в полном соответствии с описанием, белый, холеный, могучий, ни на кого не глядя, проследовал на председательское место, сел, водрузил перед собой огромный портфель, с лязгом распахнул его и принялся выкладывать на зеленое сукно предметы, необходимые для успешного председательствования: номенклатурный бювар крокодиловой кожи, набор авторучек в сафьяновом чехле, коробку "Герцеговины Флор", зажигалку в виде триумфальной арки и призматический театральный бинокль.

Рудольф Архипович Хлебовводов, желтый и сухой, как плетень, сел ошую Лавра Федотовича и принялся немедленно что-то шептать ему в ухо, бесцельно бегая воспаленными глазами по углам комнаты.

Рыжий, рыхлый Фарфуркис не сел за стол. Он демократически устроился на жестком стуле напротив коменданта, вынул толстую записную книжку в дряхлом переплете и сразу же сделал в ней пометку.

Научный же консультант профессор Выбегалло, которого мы узнали без всякого описания, равнодушно оглядел нас, сдвинул брови, поднял на мгновение глаза к потолку, как бы пытаясь припомнить, где это он нас видел, не то припомнил, не то не припомнил, уселся за свой столик и принялся деятельно готовиться к исполнению своих ответственных обязанностей. Перед ним появился первый том "Малой Советской Энциклопедии", затем второй том, затем третий, четвертый...

- Грррм, - произнес Лавр Федотович и оглядел присутствие взглядом, проникающим сквозь стены и видящим насквозь. Все были готовы: Хлебовводов нашептывал, Фарфуркис сделал вторую пометку, комендант, похожий на ученика перед началом опроса, судорожно листал страницы, а Выбегалло положил перед собой шестой том. Что же касается представителей, то есть нас, то мы, по-видимому, значения не имели. Я посмотрел на Эдика и поспешно отвернулся. Эдик был близок к полной деморализации - появление Выбегаллы его доконало.

- Вечернее заседание Тройки объявляю открытым, - сказал Лавр Федотович. - Следующий! Докладывайте, товарищ Зубо.

Комендант вскочил и, держа перед собой папку, начал высоким голосом:

- Дело номер сорок второе. Фамилия: Машкин. Имя: Эдельвейс. Отчество: Захарович...

- С каких это пор он Машкиным заделался? - брезгливо спросил Хлебовводов. - Бабкин, а не Машкин. Бабкин Эдельвейс Петрович. Я с ним работал в одна тысяча девятьсот сорок седьмом году в Комитете по молочному делу. Эдик Бабкин, плотный такой мужик, сливки очень любит... И, кстати, никакой он не Эдельвейс, а Эдуард. Эдуард Петрович Бабкин...

Лавр Федотович медленно обратился к нему каменное лицо.

- Бабкин? - произнес он. - Не помню... Продолжайте, товарищ Зубо.

- Отчество: Захарович, - дернув щекой, повторил комендант. - Год и место рождения: тысяча девятьсот первый, город Смоленск. Национальность...

- Э-диль-вейс или Э-доль-вейс? - спросил Фарфуркис.

- Э-дель-вейс, - сказал комендант. - Национальность: белорус.

Образование: неполное среднее общее, неполное среднее техническое. Знание иностранных языков: русский - свободно, украинский и белорусский - со словарем. Место работы...

Хлебовводов вдруг звонко шлепнул себя по лбу.

- Да нет же! - закричал он. - Он же помер!

- Кто помер? - деревянным голосом спросил Лавр Федотович.

- Да этот Бабкин! Я же как сейчас помню - в одна тысяча девятьсот пятьдесят шестом году помер он от инфаркта. Стал он тогда финдиректором Всероссийского общества испытателей природы и помер. Так что тут какая-то путаница.

Лавр Федотович взял бинокль и некоторое время изучал коменданта, потерявшего дар речи.

- Факт смерти у вас отражен? - осведомился он.

- Христом богом... - пролепетал комендант. - Какой смерти?... Да почему же смерти... Да живой он, в приемной дожидается...

- Одну минуточку, - вмешался Фарфуркис. - Вы разрешите, Лавр Федотович? Товарищ Зубо, кто дожидается в приемной? Только точно. Фамилия, имя, отчество.

- Бабкин! - с отчаянием сказал комендант. - То есть, что я говорю? Не Бабкин - Машкин! Машкин дожидается. Эдельвейс Захарович.

- Понимаю, - сказал Фарфуркис, - а где Бабкин?

- Бабкин помер, - сказал Хлебовводов авторитетно. - Это я вам точно сказать могу. В одна тысяча девятьсот пятьдесят шестом. Правда, у него сын был, Пашка, по-моему. Павел, значит, Эдуардович. Заведует он сейчас магазином текстильного лоскута в Голицыне, что под Москвой. Толковый работяга, но, кажется, не Павел все-таки, не Пашка...

Фарфуркис налил стакан воды и передал коменданту. В наступившей тишине было слышно, как комендант гулко глотает. Лавр Федотович размял и продул папироску.

- Никто не забыт и ничто не забыто, - произнес он. - Это хорошо.

Товарищ Фарфуркис, я попрошу вас занести в протокол, в констатирующую часть, что Тройка считает полезным принять меры к отысканию сына Бабкина Эдуарда Петровича на предмет выяснения его имени. Народу не нужны безымянные герои. У нас их нет.

Фарфуркис закивал и принялся быстро писать в записной книжке.

- Вы напились? - осведомился Лавр Федотович, разглядывая коменданта в бинокль. - Тогда продолжайте докладывать.

- Место работы и профессия в настоящее время: пенсионер-изобретатель, - нетвердым голосом прочел комендант. - Был ли за границей: не был. Краткая сущность необъясненности: эвристическая машина, то есть электронно-механическое устройство для решения инженерных, научных, социологических и иных проблем. Ближайшие родственники: сирота, братьев и сестер нет. Адрес постоянного местожительства: Новосибирск, улица Щукинская, 23, квартира 88. Все.

- Какие будут предложения? - спросил Лавр Федотович, приспустив тяжелые веки.

- Я бы предложил впустить, - сказал Хлебовводов. - Я почему предлагаю? А вдруг это Пашка?

- Других предложений нет? - спросил Лавр Федотович. Он пошарил по столу, ища кнопку, не нашел и сказал коменданту: - Пусть дело войдет, товарищ Зубо.

Комендант опрометью кинулся к двери, высунулся и тотчас вернулся, пятясь, на свое место. Следом за ним, перекосившись набок под тяжестью огромного черного футляра, вкатился сухопарый старичок в толстовке и в военных галифе с оранжевым кантом. По дороге к столу он несколько раз пытался прекратить движение и с достоинством поклониться, но футляр, обладавший, по-видимому, чудовищной инерцией, неумолимо нес его вперед и, может быть, не обошлось бы без жертв, если бы мы с Эдиком не подхватили старичка в полуметре от затрепетавшего уже Фарфуркиса. Я сразу узнал этого старичка - он неоднократно бывал в нашем Институте, и во многих других институтах он тоже бывал, а однажды я видел его в приемной заместителя министра тяжелого машиностроения, где он сидел первым в очереди, терпеливый, чистенький, пылающий энтузиазмом. Старичок он был неплохой, но к сожалению не мыслил себя вне научно-технического прогресса.

Я забрал у него тяжелый футляр и водрузил изобретение на демонстрационный столик. Освобожденный, наконец, старичок поклонился и сказал дребезжащим голосом:

- Мое почтение. Машкин Эдельвейс Захарович. Изобретатель.

- Не он, - сказал Хлебовводов вполголоса. - Не он. И не похож. Надо полагать, совсем другой Бабкин. Однофамилец, надо полагать.

- Да-да, - согласился старичок, улыбаясь. - Принес вот на суд общественности. Профессор вот, товарищ Выбегалло, дай бог ему здоровья, порекомендовал. Готов демонстрировать, ежели на то будет ваше желание, а то засиделся я у вас в Колонии, неприлично...

Внимательно разглядывавший его Лавр Федотович отложил бинокль и медленно наклонил голову. Старичок засуетился. Он снял с футляра крышку, под которой оказалась громоздкая старинная пишущая машинка, извлек из кармана моток провода, воткнул один куда-то в недра машинки, затем огляделся в поисках штепселя и, обнаружив, размотал провод и воткнул вилку.

- Вот, извольте видеть, эвристическая машина, - сказал старичок, - точный электронно-механический прибор для ответа на любые вопросы, а именно - на научные и хозяйственные. Как она у меня работает? Не имея

достаточно средств и будучи отфутболиваем различными бюрократами, она у меня не полностью автоматизирована. Вопросы задаются устным образом, и я их печатаю и ввожу ей внутрь, довожу, так сказать, до ейного сведения. Ответание ейное, опять же через неполную автоматизацию, печатаю снова я. В некотором роде посредник, хе-хе! Так, ежели угодно, прошу...

Он встал за машинку и шикарным жестом перекрыл тумблер. В недрах машинки загорелась неоновая лампочка.

- Прошу вас, - сказал старичок.

- А что у вас там за лампа? - с любопытством спросил Фарфуркис.

Старичок тут же ударил по клавишам, потом быстро вырвал из машинки листок бумаги и поднес его Фарфуркису. Фарфуркис прочитал вслух:

- Что у нея... гм... у нея внутри за лэпэчэ... Лэпэчэ... Кэпэдэ, наверное? Что еще за лэпэчэ?

- Лампочка, значит, - сказал старичок, хихикая и потирая руки. -

Кодируем помаленьку. - Он вырвал у Фарфуркиса листок и побежал обратно к своей машинке. - Это, значит, был вопрос, - произнес он, загоняя листок под валик. - А сейчас посмотрим, что она ответит...

Члены Тройки с интересом следили за его действиями. Профессор Выбегалло благодушно-отечески сиял, изысканными и плавными движениями пальцев выбирая из бороды мусор. Эдик пребывал в спокойной, теперь уже полностью осознанной тоске. Между тем, старичок бодро простучал по клавишам и снова выдернул листок.

- Вот, извольте, ответ.

Фарфуркис прочитал:

- "У мене внутре... гм... не... неонка." Что это такое - неонка?

- Айн секунд! - воскликнул изобретатель, выхватил листок и вновь побежал к машинке.

Дело пошло. Машина дала безграмотное определение, что такое неонка, затем она ответила Фарфуркису, что пишет "внутре" согласно правил грамматики, а затем...

Фарфуркис: Какой такой грамматики?

Машина: А нашей русской грмтк.

Хлебовводов: Известен ли вам Бабкин Эдуард Петрович?

Машина: Никак нет.

Лавр Федотович: Какие будут предложения?

Машина: Признать мене за научный факт.

Старичок бегал и печатал с невероятной быстротой. Комендант восторженно подпрыгивал на стуле и показывал нам большой палец. Эдик медленно восстанавливал душевное равновесие.

Хлебовводов (раздраженно): Я так работать не могу. Чего он взад-вперед мотается, как жезл по ветру?

Машина: Ввиду стремления.

Хлебовводов: Да уберите вы от меня ваш листок! Я вас ни про что не спрашиваю, можете вы это понять?

Машина: Так точно, могу.

До Тройки, наконец, дошло, что если они хотят кончить когда-нибудь сегодняшнее заседание, им надлежит воздержаться от вопросов, в том числе и от риторических. Наступила тишина. Старичок, который основательно умаялся, присел на краешек кресла и, часто дыша полуоткрытым ртом, вытирался платочком. Выбегалло горделиво озирался.

- Есть предложение, - тщательно подбирая слова, сказал Фарфуркис. - Пусть научный консультант произведет экспертизу и доложит нам свое мнение.

Лавр Федотович посмотрел на Выбегаллу и величественно наклонил голову. Выбегалло встал. Выбегалло любезно осклабился. Выбегалло прижал правую руку к сердцу. Выбегалло заговорил.

- Эта... - сказал он. - Неудобно, Лавр Федотович, может получится.

Как-никак, а же суизан рекомендатель сет нобль ве <рекомендатель этого благородного старика (франц.)>. Пойдут разговоры... Эта... кумовство, мол, протексион... А между тем случай очевидный, достоинства налицо, рационализация... эта... осуществлена в ходе эксперимента... Не хотелось бы подставлять под удар доброе начинание, гасить инициативу. Лучше что будет? Лучше будет, если экспертизу произведет лицо незаинтересованное... эта... постороннее. Вот тут среди представителей снизу наблюдается товарищ Привалов Александр Иванович... (Я вздрогнул.) Компетентный товарищ по электронным машинам. И незаинтересованный. Пусть он. Я так полагаю, что

это ценно.

Лавр Федотович взял бинокль и стал поочередно нас рассматривать. Оживший Эдик умоляюще прошептал: "Саша, надо! Дай им! Такой случай!"

- Есть предложение, - сказал Фарфуркис. - Просить товарища представителя снизу оказать содействие работе Тройки.

Лавр Федотович отложил бинокль и дал согласие. Теперь все смотрели на меня. Я бы, конечно, ни за что не стал путаться в эту историю, если бы не старичок. Сет нобль ве хлопал на меня красными веками столь жалостно и весь вид его являл такое очевидное обещание век за меня бога молить, что я не выдержал. Я неохотно встал и приблизился к машине. Старичок радостно мне улыбался. Я осмотрел агрегат и сказал:

- Ну хорошо. Имеет место пишущая машинка "Ремингтон" выпуска тысяча девятьсот шестого года в сравнительно хорошем состоянии. Шрифт дореволюционный тоже в хорошем состоянии. - Я поймал умоляющий взгляд старикашки, вздохнул и щелкнул тумблером. - Короче говоря, ничего нового данная печатающая конструкция, к сожалению, не содержит. Содержит только очень старое...

- Внутри! - прошепел старичок. - Внутри смотрите, где у нее анализатор и думатель...

- Анализатор, - сказал я. - Нет здесь анализатора. Серийный выпрямитель есть, тоже старинный. Неоновая лампочка обыкновенная. Тумблер. Хороший тумблер, новый. Та-ак... Еще имеет место шнур. Очень хороший шнур, совсем новый... Вот, пожалуй, и все.

- А вывод? - живо осведомился Фарфуркис.

Эдик ободряюще мне кивал, и я дал ему понять, что постараюсь.

- Вывод, - сказал я. - Описанная машинка "Ремингтон" в соединении с выпрямителем, неоновой лампочкой, тумблером и шнуром не содержит ничего необъясненного.

- А я? - вскричал старичок.

Эдик показал мне, как надлежит делать хук слева, но я этого не мог.

- Нет, конечно... - промямлил я. - Прodelана большая работа... (Эдик схватился за голову.) Я, конечно, понимаю... Добрые намерения... (Эдик посмотрел на меня с презрением). Ну в самом деле, - сказал я, - человек старался... Нельзя же так... - "Побойся бога", - отчетливо произнес Эдик. - Нет... Ну что ж... Ну, пусть человек... Раз ему интересно... Я только говорю, что необъясненного ничего нет... А вообще-то даже остроумно.

- Какие будут вопросы к врию научного консультанта? - осведомился Лавр Федотович.

Уловив вопросительную интонацию, старичок вскочил и рванул было к своей машине. Но его остановили, схватив за талию.

- Правильно, - сказал Хлебовводов. - поддержите его, а то тяжело работать, в самом деле. Все-таки у нас не вечер вопросов и ответов. И вообще выключите эту машину пока, нечего ей подслушивать.

Высвободив одну руку, я щелкнул тумблером, лампочка погасла, и старичок затих.

- А вот все-таки у меня есть вопрос, - продолжал Хлебовводов. - Как же это она все-таки отвечает?

Я обалдело воззрелся на него. Эдик пришел в себя и теперь, жестко прищурившись, разглядывал Тройку. Выбегалло был доволен. Он извлек из бороды длинную щепку и вонзил ее между зубами.

- Выпрямители там, тумбы разные, - говорил Хлебовводов, - это нам товарищ врио все довольно хорошо объяснил. Одного он нам не объяснил: фактов он нам не объяснил. А имеется непреложный факт, что когда задаешь вопрос, то получаешь тут же ответ. В письменном виде. И даже когда не ей, а кому другому задаешь вопрос, все равно обратно же получаешь ответ. А вы говорите, товарищ врио, ничего необъясненного нет. Не сходятся у вас концы с концами. Непонятно нам, что же говорит по данному поводу наука.

Наука в моем лице потеряла дар речи. Хлебовводов меня сразил, зарезал он меня, убил и в землю закопал. Зато Выбегалло отреагировал немедленно.

- Эта... - сказал он. - Так ведь я и говорю, ценное же начинание!

Элемент необъясненного имеется, порыв снизу... Почему я и рекомендовал. Эта... - сказал он старику. - Объясни, мон шер, товарищам, что тут у тебя к чему.

Старичок словно взорвался.

- Высочайшее достижение нейтронной мегалоплазмы! - провозгласил он. -

Ротор поля наподобие дивергенции градуирует себя вдоль спина и там, внутри, обращает материю вопроса в спиритуальные электрические вихри, из коих и возникает синекдоха ответа...

У меня потемнело в глазах, рот наполнился хиной, заболели зубы, а проклятый нобль все говорил и говорил, и речь его была гладкой и плавной, это была хорошо составленная, вдумчиво отрепетированная и уже неоднократно произнесенная речь, в которой каждый эпитет, каждая интонация были преисполнены эмоционального содержания, это было настоящее произведение искусства. Старик был никаким не изобретателем, он был художником, гениальным оратором, достойнейшим из последователей Демосфена, Цицерона, Иоанна Златоуста... Шатаюсь, я отступил в сторону и прислонился лбом к холодной стенке.

Тут Эдик негромко ударил в ладоши, и старикашка замолчал. На секунду мне показалось, что Эдик остановил время, потому что все сделались неподвижны, словно вслушиваясь в средневековую тишину, мягким бархатом повисшую в комнате. Потом Лавр Федотович отодвинул кресло и встал.

- По закону и по всем правилам я должен был бы говорить последним, - начал он. - Но бывают случаи, когда законы и правила оборачиваются против своих адептов, и тогда приходится отбрасывать их. Я начинаю говорить первым потому, что мы имеем дело как раз с таким случаем. Я начинаю говорить первым потому, что не могу ждать и молчать. Я начинаю говорить первым потому, что не ожидаю и не потерплю никаких возражений.

Ни о каких возражениях не могло быть и речи. Рядовые члены Тройки были настолько потрясены этим неожиданным приступом красноречия, что позволяли себе только переглядываться.

- Мы - Гардианы науки, - продолжал Лавр Федотович. - Мы - ворота в ее храм, мы - беспристрастные фильтры, оберегающие от фальши, от легкомыслия, от заблуждений. Мы охраняем посевы знаний от плевел невежества и ложной мудрости. И пока мы делаем это, мы не люди, мы не знаем снисхождения, жалости, лицемерия. Для нас существует только одно мерило: истина. Истина отдельна от добра и зла, истина отдельна от человечества, но только до тех пор, пока существует добро и зло, пока существует человек и человечество. Нет человечества - к чему истина? Никто не ищет знаний, значит - нет человечества, и к чему истина? Есть ответы на все вопросы, значит - не надо искать знаний, значит - нет человечества и к чему же тогда истина? Когда поэт сказал "И на ответы нет вопросов", он описал самое страшное состояние человеческого общества - конечное его состояние... Да, этот человек, стоящий перед нами, - гений. В нем воплощено и через него выражено конечное состояние человечества. Но он - убийца, ибо он убивает дух. Более того, он - страшный убийца, ибо он убивает дух всего человечества. И потому нам больше не можно оставаться беспристрастными фильтрами, а должно нам вспомнить, что мы - люди, и как людям нам должно защищаться от убийцы. И не обсуждать должно нам, а судить! Но нет законов для такого суда, и потому должно нам не судить, а беспощадно карать, как карают охваченные ужасом. И я, старший здесь, нарушая законы и правила, первый говорю: смерть!

Рядовые члены Тройки вздрогнули и разом заговорили:

- Которого? - с готовностью спросил Хлебовводов, понявший, по-видимому, только последнее слово.

- Иммосибель! - всплеснув руками, испуганно прошептал Выбегалло.

- Позвольте, Лавр Федотович! - залепетал Фарфуркис. - Все это правильно, но можем ли мы...

Тогда Эдик снова хлопнул в ладоши.

- Грррм! - произнес Лавр Федотович, ворочая шеей, и сел. - Есть предложение считать сумерки сгустившимися и в соответствии с этим зажечь свет.

Комендант сорвался с места и включил свет. Лавр Федотович, не шурясь, как орел на солнце, поглядел на лампу и перевел взгляд на "Ремингтон".

- Выражая общее мнение, - сказал он, - постановляю: данное дело номер сорок два считать рационализированным. Переходя к вопросу об утилизации, предлагаю товарищу Зубо огласить заявку.

Комендант принялся торопливо листать дело, а тем временем профессор Выбегалло выбрался из-за своего стола, с чувством пожал руку сначала старикашке, а потом, прежде, чем я успел увернуться, и мне. Он сиял. Я не знал, куда деваться. Я не смел оглянуться на Эдика. Пока я тупо размышлял,

не запустить ли мне "Ремингтоном" в Лавра Федотовича, меня схватил старикашка. Он, как клещ, вцепился мне в шею и троекратно поцеловал, оцарапав щетиной. Не помню, как я добрался до своего стула. Помню только, что Эдик шепнул мне: "Эх, Саша!.. Ну, ничего, с кем не бывает..."

Между тем комендант перелистал все дело и тихим голосом сообщил, что на данное дело заявки не поступало. Фарфуркис тотчас процитировал статью инструкции, из которой следовало, что рационализация без утилизации есть нонсенс, и может быть признана действительной лишь условно. Хлебовводов принялся орать, что он деньги даром получать не желает, и что он не позволит коменданту отправить коту под хвост четыре часа рабочего времени. Лавр Федотович с видом одобрения продул папиросу, и Хлебовводов выиграл еще пуще.

- А вдруг это родственник моему Бабкину? - вопил он. - Как так нет заявок? Должны быть заявки! Вы только поглядите, старичок какой! Фигура какая самобытная, интересная! Как это мы будем такими старичками бросаться?

- Общественность не позволит нам бросаться старичками, - заметил Лавр Федотович, - и общественность будет права.

- Вот и именно! - рявкнул вдруг Выбегалло, - именно общественность! И именно не позволит! Как же это нет заявок, товарищ Зубо? Почему же это нет? - он сорвался с места и ястребом набросился на гору бумаг перед комендантом. - Как это нет? - бормотал он. - Это что? Птеродактиль обыкновенный... Хорошо... А это? Шкатулка Пандоры! Чем же это вам не шкатулка? Пусть не Пандоры, пусть Машкина... Это же формалитет, в конце концов... Или это например: Клоп Говорящий... говорящий, пишущий, печатающий... А!!! Как же это нет заявок, товарищ Зубо? А это что? Черный Ящик! Заявочка на Черный Ящик есть, а вы говорите, что нет!

Я обомлел.

- Погодите! - сказал я, но меня никто не слушал.

- Так это же не Черный Ящик! - кричал комендант, прижимая к груди руки. - Черный Ящик совсем по другому номеру проходит!

- Как это не черный? - кричал в ответ Выбегалло, хватая обшарпанный черный футляр от "Ремингтона". - Какой же он, по-вашему, ящик-то? Зеленый, может быть? Или белый? Дезинформацией занимаетесь, общественными старичками бросаетесь!

Комендант, оправдываясь, выкрикивал, что это, конечно, тоже черный ящик, не зеленый и не белый, явно черный, но не тот ящик-то, тот Черный Ящик проходит по делу номер девяносто седьмым, и на него заявка имеется вот товарища Привалова Александра Ивановича, сегодня только получена, а этот черный ящик - и не ящик вовсе, а эвристическая машина, и проходит она под номером сорок вторым, и заявки на нее нет. Выбегалло орал, что нечего тут... эта... жонглировать цифрами и бросаться старичками; черное есть черное, оно не белое и не зеленое, и нечего тут, значит, махизм разводить и всякий эмпириокритицизм, а пусть вот товарищи авторитетной Тройки сами посмотрят и скажут, черный это ящик или, скажем, зеленый. Хлебовводов кричал что-то про Бабкина, Фарфуркис требовал не уклоняться от инструкции, Эдик с удовольствием вопил: "Долой", а я, как испорченный граммофон, только твердил: "Мой Черный Ящик - это не ящик... Мой Черный Ящик - это не ящик..."

Наконец до Лавра Федотовича дошло ощущение некоторого не порядка.

- Грррм! - сказал он, и все стихло. - Затруднение? Товарищ Хлебовводов, устраните.

Хлебовводов твердым шагом подошел к Выбегалле, взял у него из рук футляр и внимательно осмотрел его.

- Товарищ Зубо, - сказал он, - на что вы имеете заявку?

- На черный ящик, - уныло сказал комендант. - Дело номер девяносто седьмое.

- Я тебя не спрашиваю, какое номер дело, - возразил Хлебовводов. - Я тебя спрашиваю: ты на черный ящик заявку имеете?

- Имею, - признался комендант.

- Чья заявка?

- Товарища Привалова из НИИЧАВО. Вот он сидит.

- Да, - страстно сказал я. - Но мой Черный Ящик - это не ящик, точнее, не совсем ящик...

Однако Хлебовводов внимания на меня не обратил. Он посмотрел футляр

на свет, потом приблизился к коменданту и зловеще произнес:

- Ты что же это бюрократию разводите? Ты что же, не видите, какого оно цвета? На твоих же глазах рационализацию произвели, вот товарищ представитель от науки на твоих глазах сидит, ждет, понимаете, выполнения заявки, ужинать давно пора, на дворе темно, а ты что же, номерами здесь жонглируете?

Я чувствовал, что на меня надвигается какая-то тоска, что будущее мое заполняется каким-то унылым кошмаром, непоправимым и совершенно иррациональным. Но я не понимал, в чем дело, и только продолжал жалко бубнить, что мой Ящик - это не совсем черный ящик, а точнее - совсем не ящик. Мне хотелось разъяснить, рассеять недоразумение. Комендант тоже бубнил что-то неубедительное, но Хлебовводов, погрозив ему кулаком, уже возвращался на свое место.

- Ящик, Лавр Федотович, черный, - с торжеством доложил он. - Ошибки никакой быть не может, сам смотрел. И заявка имеется, и представитель присутствует.

- Это не тот ящик! - хором проныли мы с комендантом, но Лавр Федотович, тщательно изучив нас в бинокль, обнаружил, по-видимому, в обоих какие-то несообразности и, сославшись на мнение народа, предложил приступить к немедленной утилизации. Возражений не последовало, все ответственные лица кивали.

- Заявку! - воззвал Лавр Федотович.

Моя заявка легла перед ним на зеленое сукно.

- Резолюция!!!

На заявку пала резолюция.

- Печать!!!

С лязгом распахнулась дверь сейфа, пахнуло затхлой канцелярией, и перед Лавром Федотовичем засверкала медью Большая Круглая Печать. И тогда я понял, что сейчас произойдет. Все во мне умерло.

- Не надо! - просипел я. - Помогите!

Лавр Федотович взял печать обеими руками и занес над заявкой. Собравшись с силами, я вскочил на ноги.

- Это не тот ящик! - завопил я в полный голос. - Да что же это... Эдик!

- Одну минуту, - сказал Эдик, - остановитесь, пожалуйста, и выслушайте меня.

Лавр Федотович задержал неумолимое движение.

- Посторонний? - осведомился он.

- Никак нет, - тяжело дыша, сказал комендант. - Представитель. Снизу.

- Тогда можно не удалять, - произнес Лавр Федотович и возобновил было процесс приложения Большой Круглой Печати, но тут оказалось, что возникло затруднение. Что-то мешало печати приложиться. Лавр Федотович сначала просто давил на нее, потом встал и навалился всем телом, но приложение все-таки не состоялось. Можно было подумать, что пространство между печатью и заявкой заполнено каким-то невидимым, но чрезвычайно упругим веществом, препятствующим приложению. Лавр Федотович, осознал тщету своих усилий. Он облокотился на подлокотники и строго посмотрел на Печать, остановившуюся в сантиметрах в двадцати над моей заявкой.

Казнь откладывалась и я снова начал воспринимать окружающее. Эдик что-то горячо и красиво говорил о разуме, об экономической реформе, о добре, о роли интеллигенции и о государственной мудрости присутствующих... Он держал Печать, милый друг мой, спасал меня, дурака и слюнтяя, от беды, которую я сам накачал себе на голову... Присутствующие слушали его внимательно, но с неудовольствием, а Хлебовводов ерзал и поглядывал на часы. Надо было что-то делать... Надо было немедленно что-то предпринимать.

- ...и в седьмых, наконец, - рассудительно говорил Эдик, - любому специалисту, а тем более такой авторитетной организации, должно быть ясно, товарищи, что так называемый Черный Ящик есть не более как термин теории информации, ничего общего не имеющий ни с определенным цветом, ни с определенной формой какого бы то ни было реального предмета. Менее всего Черным Ящиком можно назвать данную пишущую машинку "Ремингтон" в купе с простейшими электрическими приспособлениями, которые можно приобрести в любом электротехническом магазине, и мне кажется странным, что профессор Выбегалло навязывает авторитетной организации изобретение, которое

изобретением не является, и решение, которое может лишь подорвать ее авторитет.

- Я протестую, - сказал Фарфуркис. - Во-первых, товарищ представитель снизу нарушил здесь все правила ведения заседания, взял слово, которое ему никто не давал, и вдобавок еще превысил регламент. Это раз. (Я с ужасом увидел, что Печать колыхнулась и упала на несколько сантиметров.) Далее, мы не можем позволить товарищу представителю порочить наших лучших людей, чернить заслуженного профессора и официального научного консультанта товарища Выбегаллу и обелять имеющий здесь место и уже заслуживший одобрение Тройки черный ящик. Это два. (печать провалилась еще на несколько сантиметров). Наконец, товарищ представитель, надо бы вам знать, что Тройку не интересуют никакие изобретения. Объектом работы Тройки является необъясненное явление, в качестве какового в данном случае и выступает уже смотренный и рационализированный черный ящик, он же эвристическая машина.

- Это же до ночи можно просидеть, - обиженно добавил Хлебовводов, - ежели каждому представителю слово давать.

Печать вновь осела. Зазор был теперь не более десяти сантиметров.

- Это не тот черный ящик, - сказал я и проиграл два сантиметра. Мне не нужен этот ящик! (Еще сантиметр) Я протестую! На кой мне черт эта старая песочница с "Ремингтоном"? Я жаловаться буду!

- Это ваше право, - великодушно сказал Фарфуркис и выиграл еще один сантиметр.

- Эдик! - умоляюще воззвал я.

Эдик снова заговорил. Он взывал к теньям Ломоносова и Эйнштейна, он цитировал передовые центральных газет, он воспевал науку и наших мудрых организаторов, но все было тщетно. Лавра Федотовича это затруднение наконец утомило, и прервавши оратора, он произнес только одно слово:

- Неубедительно.

Раздался тяжелый удар. Большая Круглая Печать впилась в мою заявку.

РАЗНЫЕ ДЕЛА

Мы покинули комнату заседаний последними. Я был подавлен. Эдик вел меня под локоть. Он тоже был расстроен, но держался спокойно. Вокруг нас, увлекаемый инерцией своего агрегата, вился старикашка Эдельвейс. Он нашептывал мне слова вечной любви, обещал ноги мыть и воду пить и требовал подъемных и суточных. Эдик дал ему три рубля и велел зайти послезавтра. Эдельвейс выпросил еще полтинник за вредность и исчез. Тогда мне стало легче.

- Ты не отчаивайся, - сказал Эдик, - еще не все потеряно. У меня есть мысль.

- Какая? - вяло спросил я.

- Ты обратил внимание на речь Лавра Федотовича?

- Обратил, - сказал я. - Зачем тебе это было?

- Я проверял, есть ли у него мозги, - объяснил Эдик.

- Ну и как?

- Ты же видел - есть. Мозги у него есть, и я их ему задействовал...

Они у него совсем не задействованы. Сплошные бюрократические рефлексy. Но я внушил ему, что перед ним настоящая эвристическая машина и что сам он не Вунюков, а настоящий администратор с широким кругозором. Как видишь, кое-что получилось. Правда, психическая упругость у него огромная. Когда я убрал поле, никаких признаков остаточной деформации у него не обнаружилось. Каким он был, таким остался. Но ведь это только прикидка, я вот посчитаю все как следует, настрою аппарат, и тогда мы посмотрим. Не может быть, чтобы его нельзя было переделать. Сделаем его порядочным человеком, и нам будет хорошо, и всем будет хорошо, и ему будет хорошо...

- Вряд ли, - сказал я.

- Видишь ли, - сказал Эдик, - существует теория позитивной реморализации. Из нее следует, что любое существо, обладающее хоть искрой разума, можно сделать порядочным. Другое дело, что каждый отдельный случай требует особого подхода. Так что ты не огорчайся. Все будет хорошо.

Мы вышли на улицу. Снежный Федя уже ждал нас. Он поднялся со

скамеечки, и мы втроем, рука об руку, пошли вдоль улицы Первого Мая.

- Трудно было? - спросил Федя.

- Ужасно, - сказал Эдик, - я и говорить устал, и слушать устал, и вдобавок еще, кажется, сильно поглупел. Вы замечаете, Федя, как я поглупел?

- Нет еще, - сказал Федя застенчиво. - Это обычно становится заметно через час-другой.

Я сказал:

- Хочу есть. Хочу есть и пить. Давайте поедим и забудемся. Вина выпьем. Мороженого...

Эдик был за, Федя тоже не возражал, но объяснил, что не пьет вина и не понимает мороженого.

Народу на улице было много, но никто не сходил с тротуара, как это обычно бывает в город вечерами. Потомки Олеговых дружинников и Петровских гренадер тихо, культурно сидели на своих крылечках и молча трещали семечками. Семечки были арбузные, подсолнечные, тыквенные и дынные, а крылечки были резные с узорами, резные с фигурами, резные с балясинами и просто из гладких досок - замечательные крылечки, среди которых попадались и музейные экземпляры многовековой давности, взятые под охрану государства и были обезображенные тяжелыми чугунными досками, об этом свидетельствующими. На задах крякала гармонь - кто-то, что называется, пробовал лады.

Эдик, с интересом оглядываясь, расспрашивал Федю о жизни в горах. Федя с самого начала проникся к вежливому Эдику большой симпатией и отвечал охотно.

- Хуже всего, - рассказывал Федя, - это альпинисты с гитарами. Вы не можете себе представить, как это страшно, Эдик, когда в ваших родных тихих горах, где шумят одни лишь обвалы, да и то в известное заранее время, вдруг над ухом кто-то зазвенит, застучит и примется реветь про то, как "нипупск" вскарабкался по "жандарму" и "запилил по гребню" и как потом "ланцепупа" пробила на землю. Это бедствие, Эдик. У нас некоторые от этого болеют, а самые слабые даже умирают...

- У меня дома клавесин есть, - продолжал он мечтательно. - Стоит у меня там на вершине клавесин, на леднике. Я люблю играть на нем в лунные ночи, когда тихо и совершенно нет ветра. Тогда меня слышат собаки в долине и начинают мне подвывать. Право, Эдик, у меня слезы навертываются на глаза, так это получается хорошо и печально. Луна, звуки в просторе несутся, и далеко-далеко воют собаки...

- А как к этому относятся ваши товарищи? - спросил Эдик.

- Их в это время никого нет. Остается обычно один мальчик, но он не мешает. Он хроменький... впрочем, вам это не интересно.

- Наоборот, очень интересно!

- Нет-нет... Но вы, наверное, хотели бы узнать откуда у меня клавесин. Представьте себе, его занесли альпинисты. Они ставили рекорд и обязались втащить на нашу гору клавесин. У нас на вершине много неожиданных предметов. Задумает альпинист подняться к нам на мотоцикле - и вот у нас мотоцикл, хотя и поврежденный... Гитары попадают, велосипеды, бюсты разные, зенитные пушки... Один рекордсмен хотел подняться на тракторе, но трактора не раздобыл, а раздобыл он асфальтовый каток. Если бы вы видели, как он мучился с этим катком! Как старался! Но ничего у него не вышло, не дотянул до снегов. Метров пятьдесят всего не дотянул, а то бы у нас был асфальтовый каток... А вот и Говорун, сейчас я вас познакомлю.

Мы подошли к дверям кафе. На ярко освещенных ступенях роскошного каменного крыльца в непосредственной близости от турникета отирался Клоп Говорун. Он жаждал войти, но швейцар его не пускал. Говорун был в бешенстве, отчего испускал сильный запах дорогого коньяка "Курвазье". Федя наскоро познакомил его с нами, посадил в спичечный коробок и велел сидеть тихо, и Клоп сидел тихо, но как только мы прошли в кафе и отыскивали свободный столик, он сразу же развалился на стуле и принялся стучать по столу, требуя официанта. Сам он, естественно, в кафе ничего не ел и не пил, но жаждал справедливости и полного соответствия между работой бригады официантов и тем высоким званием, за которое эта бригада борется. Кроме того, он явно выпендривался перед Эдиком, он уже знал, что Эдик прибыл в Тъмускорпионь лично за ним, Говоруном, в качестве его, Говоруна, работодателя.

Мы с Эдиком заказали себе яичницу по-домашнему, салат из раков и сухое вино. Федю в кафе хорошо знали и принесли еммму сырого тертого картофеля, морковную ботву и капустные кочерыжки, а перед Говоруном поставили фаршированные помидоры, которые он заказал из принципа. Съевши салат, я ощутил, что унижен и оскорблен, что устал как последняя собака, что язык у меня не поворачивается и что нет у меня никаких желаний. Кроме того, я постоянно вздрагивал, ибо в шуме публики мне то и дело слышались визгливые вскрики: "Ноги мыть и воду пить!.. У ей внутри!.." Зато Говорун, видимо, был в прекрасном настроении и с наслаждением демонстрировал Эдику свой философический склад ума, независимость суждений и склонность к обобщениям.

- До чего бессмысленные и неприятные существа! - говорил он, озирая зал с видом превосходства. - Воистину, только такие грузные жвачные животные способны под воздействием комплекса неполноценности выдумывать миф о том, что они - цари природы. Спрашивается: откуда взялся этот миф? Например, мы, насекомые, считаем себя царями природы по справедливости. Мы многочисленны, вездесущи, мы обильно размножаемся, и многие из нас не тратят драгоценного времени на бессмысленные заботы о потомстве. Мы обладаем органами чувств, о которых вы, хордовые, даже понятия не имеете. Мы умеем погружаться в анабиоз на целые столетия без всякого вреда для себя. Наиболее интеллигентные представители нашего класса прославлены как крупные математики, архитекторы, социологи. Мы открыли идеальное устройство общества, мы овладели гигантскими территориями, мы проникаем всюду, куда захотим. Поставим вопрос следующим образом: что вы, люди, самые, между прочим, высокоразвитые из млекопитающих, можете такого, чего бы хотели уметь и не умели бы мы? Вы много хвастаетесь, что умеете изготавливать орудия труда и пользоваться ими. Простите, но это смешно. Вы уподобляетесь калекам, которые хвастаются своими костылями. Вы строите себе жилища мучительно, с трудом, привлекая такие противоестественные силы, как огонь и пар, строите тысячи лет, и все время по-разному, и все никак не можете найти удобной и рациональной формы жилища. А жалкие муравьи, которых я искренне презираю за грубость и приверженность к культу физической силы, решили эту простенькую проблему сто миллионов лет назад - причем решили раз и навсегда. Вы хвастаетесь, что все время развиваетесь и что вашему развитию нет предела. Нам остается только хохотать. Вы ищете то, что давным-давно найдено, запатентовано и используется с незапамятных времен, а именно: разумное устройство общества и смысл существования...

Эдик слушал профессионально-внимательно, а Федя, покусывая кочерыжку великолепными зубами, произнес:

- Я, конечно, слабый диалектик, но меня воспитали в представлении о том, что человеческий разум - это высшее творение природы. Мы в горах привыкли бояться человеческой мудрости и преклоняться перед нею, и теперь, когда я некоторым образом получил образование, я не устаю восхищаться той смелостью и тем хитроумием, с которым человек уже создал и продолжает создавать так называемую природу. Человеческий разум - это... это... - он помотал головой и замолк.

- Вторая природа! - ядовито сказал Клоп. Третья стихия, четвертое царство, пятое состояние, шестое чудо света... Один крупный человеческий деятель мог бы спросить: зачем вам две природы? Загадили одну, а теперь пытаетесь заменить ее другой... Я же вам уже сказал, Федор: вторая природа - это костыли калеки. Что же касается разума... Не вам бы говорить, не мне бы слушать. Сто веков эти бурдюки с питательной смесью разглагольствуют о разуме и до сих пор не могут договориться, о чем идет речь. В одном только они согласны: кроме них, разумом никто не обладает. И ведь это замечательно! Если существо маленькое, если его легко отравить какой-нибудь химической гадостью или просто раздавить пальцем, то с ним не церемонятся. У такого существа, конечно же, инстинкт, примитивная раздражительность, низшая форма нервной деятельности... Типичное мировоззрение самовлюбленных имбецилов. Но ведь они же разумные, им же нужно все обосновать, чтобы насекомое можно было раздавить без зазрения совести! И, посмотрите Федор, как они это обосновывают. Скажем, земляная оса отложила в норку яички и таскает для будущего потомства пищу. Что же делают эти бандиты? Они варварски крадут отложенные яйца, а потом, исполненные идиотского удовлетворения, наблюдают, как несчастная мать закупоривает цементом пустую норку. Вот, мол, оса - дура, не ведает, что

творит, а потому у нее инстинкты - слепые инстинкты, вы понимаете? Разума у нее нет, и в случае нужды допускают ее к ногтю. Ощущаете, какая гнусная подтасовка терминов? Априорно предполагается, что цель жизни осы является размножение и охрана потомства, а раз даже с этой главной своей задачей она не способна толково управиться, то что с нее взять? У них, у людей, космос-мосмос, фотосинтез-мотосинтез, а у жалкой осы - сплошное размножение, да и то на уровне примитивного инстинкта. Этим млекопитающим и в голову не приходит, что у осы богатейший духовный мир, что за свою недолгую жизнь она должна преуспеть - ей хочется преуспеть! - и в науках, и в искусствах, этим теплокровным и не ведомо, что у нее просто нет ни времени, ни желания нет оглядываться на своих детенышей, тем более что это не детеныши даже, а бессмысленные яички... Ну, конечно, у ос существуют правила, нормы поведения, мораль. Поскольку осы от природы весьма легкомысленны в вопросах продления рода, закон, естественно, предусматривает известное наказание за неполное выполнение родительских обязанностей. Каждая порядочная оса должна выполнить определенную последовательность действий: выкопать норку, отложить яички, натаскать парализованных гусениц и закупорить норку. За этим следят, существует негласный контроль, оса всегда учитывает возможность присутствия за ближайшим камешком инспектора-соглядатая. Конечно же, оса видит, что яички у нее украли или что исчезли запасы продовольствия. Но она может отложить яички вторично, и она совсем не намерена тратить время на возобновление пищевых запасов. Полностью сознавая всю нелепость своих действий, она делает вид, что ничего не заметила, и доводит программу до конца, потому что менее всего ей улыбается таскаться по девяти инстанциям комитета охраны вида... Представьте себе, Федор, шоссе, прекрасную гладкую магистраль от горизонта до горизонта. Некий экспериментатор ставит поперек дороги рогатку с табличкой "Объезд". Видимость превосходная, шофер прекрасно видит, что на закрытом участке ему абсолютно ничего не грозит. Он даже догадывается, что это чьи-то глупые шутки, но следуя правилам и нормам поведения порядочного автомобилиста, он сворачивает на отвратительную обочину, трясется по кочкам, захлебывается в грязи или в пыли, тратит массу времени и нервов, чтобы снова выехать на то же шоссе двумястами метрами дальше. Почему? Да все по той же причине: он законопослушен, и не хочет таскаться по инстанциям ОРУДа, тем более, что у него, как и у осы, есть основания предполагать, что это ловушка и что вон в тех кустах сидит инспектор с мотоциклом. А теперь представим себе, что неведомый экспериментатор ставит этот опыт, дабы установить уровень человеческого интеллекта и что этот экспериментатор - такой же самовлюбленный дурак, как разрушитель осиногo гнезда... Ха-ха-ха! К каким выводам он бы пришел!.. - Говорун в восторге застучал по столу всеми лапками.

- Нет, - сказал Федя, - как-то у вас все упрощенно получается, Говорун. Конечно, когда человек ведет автомобиль, он не может блеснуть интеллектом...

- Точно так же, - перебил хитроумный клоп, - как не блещет интеллектом оса, откладывающая яйца. Тут, знаете ли, не до интеллекта.

- Подождите, Говорун, - сказал Федя, - вы все время меня сбиваете. Я хочу сказать... ну вот, я и забыл, что хотел сказать... Да! Чтобы насладиться величием человеческого разума, надо окинуть все здание этого разума, все достижения наук, все достижения литературы и искусства. Вот вы пренебрежительно отозвались о космосе, а ведь спутник, ракеты - это великий шаг, это восхищает, и согласитесь, что ни одно членистоногое не способно к таким свершениям.

Клоп презрительно повел усами.

- Я мог бы возразить, что космос членистоногим ни к чему, - произнес он, - однако людям он тоже ни к чему, и поэтому об этом говорить не будем. Вы не понимаете простых вещей, Федор. У каждого вида существует своя исторически сложившаяся, передающаяся из поколения в поколение мечта. Осуществление такой мечты и называют обычно великим свершением. У людей было две исконные мечты: мечта летать вообще, проистекшая из зависти к насекомым, и мечта слетать к Солнцу, проистекшая из невежества, ибо они полагали, что до Солнца рукой подать. Но нельзя ожидать, что у разных видов, а тем более классов и типов живых существ, великая мечта должна быть одна и та же. Смешно предполагать, чтобы у мух из поколения в

поколение передавалась мечта о свободном полете, у спрутов - мечта о морских глубинах, а у нас - цимекс лектулария - о Солнце, которого мы терпеть не можем. Каждый мечтает о том, что недостижимо, но обещает удовольствие. Потомственная мечта спрутов, как известно, свободное путешествие по суше, и спруты в своих мокрых пучинах много и полезно думают на этот счет. Извечной и зловещей мечтой вирусов является абсолютное мировое господство и, как ни ужасны методы, коими они в настоящий момент пользуются, им нельзя отказать в настойчивости, изобретательности и способности к самопожертвованию во имя великой цели. А грандиозная мечта паукообразных? Много миллионов лет назад они опрометчиво выбрались из моря на сушу и с тех пор мучительно мечтают снова вернуться в родную стихию. Вы бы только послушали их песни и баллады о море! Сердце разрывается на части от жалости и сочувствия. В сравнении с этими балладами героический миф о Дедале и Икаре - просто забавная побасенка. И что же? Кое-чего они достигли, причем весьма хитроумными способами. Членистоногим вообще свойственны хитроумные идеи. Они добиваются своего, создавая новые виды. Они создали водобегающих пауков, пауков-водолазов, а теперь во весь ход идут работы над созданием вододышащего паука... Я уж не говорю о клопах. Мы своего достигли давно, когда появились на свет эти бурдюки с питательной смесью... Вы понимаете меня, Федор? Каждому племени - своя мечта. Не надо хвастаться достижениями перед соседями по планете. Вы рискуете попасть в смешное положение. Вас сочтут глупцами те, кому ваши мечты чужды, и вас сочтут жалкими болтунами те, кто свою мечту осуществил давно.

- Я не могу вам ответить, Говорун, - сказал Федя, - но должен признаться, что мне неприятно вас слушать. Во-первых, я не люблю, когда хитрой казуистикой опровергают очевидные вещи, а во-вторых, я, все-таки, человек.

- Вы - снежный человек. Вы - недостающее звено. С вас взятки гладки. Вы даже, если хотите знать, несъедобны. А вот почему мне не возражают гомо сапиенсы, так сказать? Почему они не вступаются за честь своего вида, своего класса, своего типа? Объясню: потому что им нечего возразить.

Внимательный Эдик пропустил этот вызов мимо ушей. Мне было что возразить, этот болтун раздражал меня безумно, но я сдерживался, потому что помнил: Федор Симеонович смотрит сейчас в магический кристалл и видит все.

- Нет уж, позвольте мне, - сказал Федя. - Да, я снежный человек. Да, нас принято оскорблять, нас оскорбляют даже люди, ближайšie наши родственники, наша надежда, символ нашей веры в будущее... Нет-нет, позвольте, Эдик, я скажу все, что думаю. Нас оскорбляют наиболее невежественные и отсталые слои человеческого рода, давая нам гнусную кличку "йети", которая, как известно, созвучна со сви́фтовским "йеху", и кличку "голуб яван", которая означает не то "огромная обезьяна", не то "отвратительный снежный человек". Нас оскорбляют и самые передовые представители человечества, называя нас "недостающим звеном", "человекообезьяной" и другими, научно-звучащими, но порочащими нас прозвищами. Может быть, мы действительно достойны некоторого пренебрежения. Мы медленно соображаем, мы слишком уж неприхотливы, в нас так слабо стремление к лучшему, разум наш еще дремлет. Но я верю, я знаю, что это Человеческий разум, находящий наивысшее наслаждение в переделывании природы, сначала окружающей, а в перспективе - и своей собственной. Вы, Говорун, все-таки паразит. Простите меня, но я использую этот термин в научном смысле. Я не хочу вас обидеть, но вы паразит, и вы не понимаете, какое это наслаждение - переделывать природу. И какое это перспективное наслаждение - природа ведь бесконечна и переделывать ее можно бесконечно долго. Вот почему человека называют царем природы. Потому что он не только изучает природу, не только находит высокое, но пассивное наслаждение от единения с нею, но он переделывает природу, лепит ее по своей нужде, по своему желанию, а потом будет лепить по своей прихоти...

- Ну да! - сказал клоп, - а куда он, человек, обнимает некоего Федора за широкие волосатые плечи, выводит его на эстраду и предлагает некоему Федору изобразить процесс очеловечивания обезьяны перед толпой лузгающих семечки обывателей... Внимание! - заорал он вдруг. - Сегодня в клубе лекция кандидата Вялобуева-Франкенштейна "Дарвинизм против религии" с наглядной демонстрацией процесса очеловечивания обезьяны! Акт первый:

"Обезьяна". Федор сидит у лектора под столом и талантливо ищется под мышками, бегая по сторонам ностальгическими глазами. Акт второй: "Человеко-обезьяна". Федор, держа в руках палку от метлы, бродит по эстраде, ища, что забить. Акт третий: "Обезьяно-человек". Федор под наблюдением и руководством пожарника разводит на железном противне небольшой костер, изображая при этом ужас и восторг одновременно. Акт четвертый: "Человека создал труд". Федор с испорченным отбойным молотком изображает первобытного кузнеца. Акт пятый: "Апофеоз". Федор садится за пианино и наигрывает "Турецкий марш"... Начало лекции в шесть часов, после лекции новый заграничный фильм "На последнем берегу" и танцы.

Чрезвычайно польщенный Федя застенчиво улыбнулся.

- Ну, конечно, Говорун, - сказал он растроганно, - я же знал, что существенных разногласий между нами нет. Конечно же, именно таким образом понемножку, полегоньку, разум начинает творить свои благодетельные чудеса, обещая в перспективе Архимедов, Ньютонов и Эйнштейнов. Только вы напрасно так уж преувеличиваете мою роль в этом культурном мероприятии, хотя я понимаю - вы просто хотите сделать мне приятное.

Клоп посмотрел на него бешеными глазами, а я злорадно хихикнул. Федя забеспокоился.

- Я что-нибудь не так сказал? - спросил он.

- Вы молодец, - сказал я. - Вы его так отбрили, что он даже осунулся. Видите, он даже фаршированные помидоры стал жрать от бессилия...

- Да, Говорун, я слушаю вас с интересом, - сказал Эдик. - Я, конечно, вовсе не намерен вам возражать, потому что, как я рассчитываю, у нас с вами впереди еще много диспутов по более серьезным вопросам. Я только хотел констатировать, что, к сожалению, в ваших рассуждениях слишком много человеческого и слишком мало оригинального, присущего лишь психологии цимекс лектулария.

- Хорошо, хорошо, - с раздражением вскричал клоп. - Все это прекрасно. Но, может быть, хоть один представитель гомо сапиенс снизойдет до прямого ответа на те соображения, которые мне позволено было здесь высказать? Или, повторяю, ему нечего возразить? Или человек разумный имеет к разуму не больше отношения, чем змея очковая к широко распространенному оптическому устройству? Или у него нет аргументов, доступных пониманию существа, которое обладает лишь примитивными инстинктами?

И тут я не выдержал. У меня был аргумент, доступный пониманию, и я его с удовольствием использовал. Я продемонстрировал Говоруну свой указательный палец, а затем сделал движение, словно бы стирая со стола упавшую каплю.

- Очень остроумно, - сказал Клоп, бледнея. - Вот уж воистину - на уровне высшего разума...

Федя робко попросил, чтобы ему объяснили смысл этой пантомимы, однако Говорун объявил, что это все вздор.

- Мне здесь надоело, - преувеличено громко сообщил он, барски озираясь, - пойдемте отсюда.

Я расплатился, мы вышли на улицу и остановились, решая, что делать дальше. Эдик предложил пойти в гостиницу и попытаться устроиться, но Федя сказал, что в Тъмускорпиони гостиница - не проблема: во всей гостинице живут только члены Тройки, остальные номера пустуют. Я посмотрел на угнетенного клопа, почувствовал угрызения совести и предложил прогуляться по берегу Скорпионки под луной. Федя поддержал меня, но Клоп Говорун запротестовал и сказал, что устал, ему надоело бесконечные разговоры, он, в конце концов, голоден, он лучше пойдет в кино. Нам стало его совсем жалко - так он был потрясен и шокирован моим жестом, может быть, действительно, несколько бестактным, - и мы направились было в кино, но тут из-за пивного ларька на нас вынесло старикашку Эдельвейса. В одной руке он сжимал пивную кружку, а другой цеплялся за свой агрегат. Заплетающимся языком он выразил свою преданность науке и лично мне и потребовал сметных, высокогорных, а также покупательных на приобретение каких-то разъемов. Я дал ему рубль, и он вновь устремился за ларек.

По дороге в кино Говорун все никак не мог успокоиться. Он бахвалился, задирали прохожих, сверкал афоризмами и парадоксами, но видно было, что ему все еще крайне не по себе. Чтобы вернуть Клопу душевное равновесие, Эдик рассказал ему о том, какой гигантский вклад он, Клоп Говорун, может совершить в теорию Линейного счастья, и прозрачно намекнул на мировую

славу и на неизбежность длительных командировок за границу, в том числе в экзотические страны. Душевное равновесие было восстановлено полностью. Говорун явно приободрился, посолиднел и, как только в кинозале погас свет, тут же полез по рядам кусаться, так что мы с Эдиком не получили никакого удовольствия: Эдик боялся, что Говоруна тихо раздавят, я же ждал безобразного скандала. Кроме того, в зале было душно, фильм показывали тошнотворный, и мы с облегчением вздохнули, когда все кончилось.

Светила луна, со Скорпионки несло прохладой. Федя виновато сообщил, что у него режим и ему пора спать. Было решено проводить его до Колонии. Мы пошли берегом. Внутри под обрывом величественно несла в своих хрустальных струях ядовитые сточные воды древняя Скорпионка. На той стороне вольно раскинулись в лунном свете заливные луга. На горизонте темнела зубчатая кромка далекого леса. Над какими-то мрачными полуобрушившимися башнями, сверкая опознавательными огнями, совершало эволюции небольшое летающее блюдце.

- Что это за развалина? - спросил Эдик.

- Это Соловьинная крепость, - ответил Федя.

- Что вы говорите! - поразился Эдик. - Та самая? Из-под Мурома?

- Да. Двенадцатый век.

- А почему только две башни? - спросил Эдик.

Федя объяснил ему, что до осады было четыре: Кикимора, Аукалка, Плюнь-Ядовитая и Уголовница. Годзилла прожег стену между Аукалкой и Уголовницей, ворвался во двор и вышел защитникам в тыл. Однако он был дубина, по слухам - самый здоровенный и самый глупый из четырехглавых драконов. В тактике он не разбирался и не хотел разбираться, а потому, вместо того, чтобы сосредоточенными ударами сокрушить одну башню за другой, кинулся на все четыре башни сразу, благо голов как раз хватало. В осаде сидела нечисть бывалая и самоотверженная, - братья разбойники сидели, Соловей Одихмантьевич и Лягва Одихмантьевич, с ними Лихо Одноглазое, а также союзный злой дух Кончар по прозвищу Трыш. И Годзилла, естественно, пострадал через дурость свою и жадность.

Вначале, правда, ему повезло осилить Кончара, скорбного в тот день вирусным гриппом, и в Плюнь-Ядовитую алчно ворвался Годзиллов прихвостень Вампир Боевульф, который, впрочем, тут же прекратил боевые действия и занялся пьянством и грабежами. Однако это был первый и единственный успех Годзиллы за всю кампанию. Соловей Одихмантьевич на пороге Аукалки дрался бешено и весело, не отступая ни на шаг. Лягва Одихмантьевич по малолетству отдал было первый этаж Кикиморы, но на втором закрепился, раскачал башню и обрушил ее вместе с собой на атаковавшую его голову в тот самый момент, когда хитрое и хладнокровное Лихо Одноглазое, заманившее правофланговую голову в селитряные подвалы Уголовницы, взорвало башню на воздух со всем содержимым. Лишившись половины голов, и без того недалекий Годзилла окончательно одурел, пометался по крепости, давая своих и чужих и, брыкаясь, кинулся в отступ. На том бой и кончился. Захмелевшего Боевульфа Соловей Одихмантьевич прикончил акустическим ударом, после чего и сам скончался от множественных ожогов. Уцелевшие ведьмы, лешие, водяные, аукалки, кикиморы и домовые перебили деморализованных вурдалаков, троллей, гномов, сатиров, наяд и дриад и, лишённые отныне руководства, разбрелись в беспорядке по окрестным лесам. Что же касается дурака Годзиллы, то его занесло в большое болото, именуемое ныне Коровьим Вязлом, где он вскорости и подох от газовой гангрены.

- Любопытно, - проговорил Эдик, вглядываясь в темные мохнатые глыбы Аукалки и Плюнь-Ядовитой. - А вход туда свободный?

- Свободный, - сказал Федя. - За пятачок.

Прогулка получилась на славу. Федя объяснял нам устройство вселенной и попутно выяснилось, что он простым глазом видит кольца Сатурна и Красное Пятно на Юпитере. Завистливый Клоп азартно доказывал ему, что все это - хорошо оплачиваемый вздор, а на самом деле Вселенная имеет форму пружинного матраса. Вокруг все время крутился застенчивый Кузька, птеродактиль обыкновенный. Собственно, в темноте мы его так и не разглядели. Он дробно топотал где-то впереди, со слабым кваканьем трещал кустами рядом, а иногда вдруг взлетал, закрывая луну растопыренными крыльями. Мы звали его, обещали лакомства и дружбу, но он так и не решился приблизиться.

В Колонии мы познакомились также с пришельцем Константином.

Константину сильно не повезло. Его летающее блюдце совершило вынужденную посадку около года назад. При посадке корабль испортился окончательно, и защитное силовое поле, которое автоматически создавалось в момент приземления, убрать Константину не удалось. Поле это было устроено так, что не пропускало ничего постороннего. Сам Константин со своей одеждой и с деталями двигателя мог ходить через сиреневую пленку в обе стороны совершенно беспрепятственно, но семейство полевых мышей, случайно оказавшееся на месте посадки, так там и осталось, и Константин вынужден был скормить ему небогатые свои запасы, так как земную пищу пронести под защитный колпак не мог даже в своем желудке. Под колпаком оказались также забытые кем-то на парковой аллее тапочки, и это было единственное из земных благ, от которого Константину была хоть какая-то польза. Кроме тапочек и мышей в защитное поле были заключены: два куста волчьей ягоды, часть чудовищной садовой скамейки, изрезанной всевозможными надписями, и четверть акра сыроватой, никогда не просыхающей почвы.

Константиновы дела были плохи. Звездолет надо было чинить. В местных мастерских не было, естественно, ни подходящих запчастей, ни специального оборудования. Кое-что можно было бы достать в научных центрах, но требовалось ходатайство Тройки, и Константин с нетерпением вот уж много месяцев ждал вызова и возлагал некоторые надежды на помощь землян. Он рассчитывал, что ему удастся снять проклятое защитное поле и провести, наконец, на корабль какого-нибудь крупного ученого, но в общем-то он был настроен скорее пессимистически, он был готов к тому, что земная техника окажется в состоянии помочь ему только лет через двести.

Константиново летающее блюдце, сияя, как гигантская газосветная лампа, стояло недалеко от дороги. Из-под блюдца торчали ноги Константина, обутые в скороходовские тапочки сорок четвертого размера. Ноги отлягивались от семейства мышей, настойчиво требовавшего ужина. Федя постучал в защитное поле, и Константин, увидев нас, выбрался из-под блюдца. Он прикрикнул на мышей и вышел к нам. Знаменитые тапочки, конечно, остались внутри, и мыши тотчас устроили в них временное обиталище. Мы представились, выразили сочувствие и спросили, как дела. Константин бодро сообщил, что, кажется, начало получаться, и перечислил два десятка незнакомых нам приборов, которые были ему необходимы. Он оказался очень общительным и дружелюбным разумным существом. А может быть, он просто истосковался по собеседникам. Мы его расспрашивали, он нам отвечал. Но выглядел он неважно, и мы сказали ему, что вредно так много работать и что пора спать. Минут через десять мы объясняли ему, что такое "спать", после чего он признался, что это ему совсем не интересно и что он лучше не станет этим заниматься. Кроме того, близилось время кормить мышей. Он пожал нам руки и снова полез под блюдце. Мы распрощались с Федей и клопом и отправились в гостиницу. Время было уже позднее, город засыпал, и только далеко-далеко играла гармошка и чистые девичьи голоса сообщали:

Ухажеру моему
Я говорю трехглазому:
Нам поцелуй ни к чему -
Мы братия по разуму!..

ДЕЛО N 72. ПРИШЕЛЕЦ КОНСТАНТИН

Утреннее солнце, вывернув из-за угла, теплым потоком ворвалось в раскрытые окна комнаты заседаний, когда на пороге появился каменнотылец Лавр Федотович и немедленно предложил задернуть шторы. "Народу это не нужно", - объяснил он. Сейчас же следом за ним появился Хлебовводов, подталкивая впереди себя Выбегаллу. Выбегалло, размахивая портфелем, горячо толковал ему что-то по-французски, а Хлебовводов приговаривал: "Ладно, ладно тебе, развоевался..." Когда комендант задернул шторы, на пороге возник Фарфуркис. Он что-то жевал и утирался. Невнятной скороговоркой извинившись за опоздание он разом проглотил все недожеванное и завопил:

- Протестую! Вы с ума сошли, товарищ Зубо! Немедленно убрать эти шторы! Что за манера отгораживаться и бросать тень?

Возник крайне неприятный инцидент, и все время, пока инцидент распутывался, пока Фарфуркиса унижали, сгибали в бараний рог, вытирали об него ноги и выбивали ему бубну, Выбегалло, как бы говоря: "Вот злонравия достойные плоды!", укоризненно качал головой и многозначительно поглядывал в мою сторону. Потом Фарфуркиса, растоптанного, растерзанного, измочаленного и измолоченного, пустили униженно догнивать на его место, а сами, отдуваясь, опуская засученные рукава, вычищая клочья шкуры из-под когтей, облизывая окровавленные клыки и время от времени непроизвольно взрыкивая, расселись за столом и объявили себя готовыми к утреннему заседанию.

- Грррм, - произнес Лавр Федотович, бросив последний взгляд на распятые останки. - Следующий! Докладывайте, товарищ Зубо.

Комендант впился в раскрытую папку скрюченными пальцами, в последний раз глянул поверх бумаг на поверженного врага налитыми глазами, в последний раз с оттяжкой кинул задними лапами землю, поклокотал горлом и, только втянув жадно раздутыми ноздрями сладостный аромат разложения, окончательно успокоился.

- Дело семьдесят второе, - затарабанил он. - Константин Константинович Константинов, двести тринадцатый до новой эры, город Константинов планеты Константины звезды Антарес...

- Я бы попросил! - прервал его Хлебовводов. - Ты что это нам читаете? Ты это нам роман читаете? Или водевиль? Ты, братец, анкету нам зачитываете, а получается у тебя водевиль.

Лавр Федотович взял бинокль и направил на коменданта. Комендант сник.

- Это, помню, в Сызрани, - продолжал Хлебовводов, - бросили меня заведующим курсов квалификации среднего персонала, так там тоже был один - улицу не хотел подметать... Только не в Сызрани, помнится, это было, а в Саратове... Ну да, точно, в Саратове! Сперва я там школу мастеров-крупчатников укреплял, а потом, значит, бросили меня на эти курсы... Да, в Саратове, в пятьдесят втором году, зимой. Морозы, помню, как в Сибири... Нет, - сказал он с сожалением, - не в Саратове это было. В Сибири это и было, а вот в каком городе - вылетело из башки. Вчера еще помнил, эх, думаю, хорошо бы там, в этом городе...

Он замолчал, мучительно приоткрыв рот. Лавр Федотович подождал немного, осведомился, есть ли вопросы к докладчику, убедился, что вопросов нет, и предложил Хлебовводову продолжать.

- Лавр Федотович, - прочувственно сказал Хлебовводов, - забыл, понимаете, город. Ну, забыл и все. Пускай он пока дальше зачитывает, а я куда вспомню... Только пускай он по форме, пускай пункты называет и не частит, а то ведь безобразие получается...

- Продолжайте докладывать, товарищ Зубо, - сказал Лавр Федотович.

- Пункт пятый, - прочитал комендант, - национальность...

Фарфуркис позволил себе слабо шевельнуться и сейчас же испуганно замер. Однако Хлебовводов уловил это движение и приказал коменданту:

- Сначала. Сначала! Сызнова читайте!

- Пункт первый, - сказал Зубо. - Фамилия...

Пока он читал сызнова, я рассматривал реморализатор. Это была плоская блестящая коробка со стеклами. Эдик управлялся с этим приборчиком удивительно ловко. Я бы так не мог. Пальцы у него двигались, как змеи. Я загляделся.

- Херсон! - заорал вдруг Хлебовводов. - В Херсоне это было, вот где... Ты, давайте, продолжайте, - сказал он вздрогнувшему коменданту. - Это я так, вспомнил... - Он сунулся к уху Лавра Федотовича и, млея от смеха, принялся ему что-то нашептывать, так что черты лица товарища Внюкова обнаружили тенденцию к раздеревенению, и он был вынужден прикритаться от общественности обширной ладонью.

- Пункт шестой, - нерешительно зачитал комендант. - Образование: высшее син... кри... кре... кретическое.

Фарфуркис дернулся и пискнул, но опять не посмел. Хлебовводов ревниво вскинулся.

- Какое? Какое образование?

- Синкретическое, - повторил комендант единым духом.

- Ага, - сказал Хлебовводов и поглядел на Лавра Федотовича.

- Это хорошо, - веско произнес Лавр Федотович. - Мы любим самокритику. Продолжайте докладывать, товарищ Зубо.

- Пункт седьмой. Знание иностранных языков: все без словаря.
- Чего-чего? - сказал Хлебовводов.
- Все, - повторил комендант. - Без словаря.
- Вот так самокритическое, - сказал Хлебовводов. - Ну ладно, мы это проверим.
- Пункт восьмой. Профессия и место работы в настоящее время: читатель поэзии, амфибрахист, пребывает в краткосрочном отпуске. Пункт девятый...
- Подождите, - сказал Хлебовводов, - работает-то он где?
- В настоящее время он в отпуске, - пояснил комендант, - в краткосрочном.
- Это я без тебя понял, - возразил Хлебовводов. - Я говорю: специальность у него какая?
Комендант поднял папку к глазам.
- Читатель... - сказал он. - Стихи, видно, читает.
Хлебовводов ударил по столу ладонью.
- Я тебе не говорю, что я глухой, - сказал он. - Что он читает, это я слышал. Читает и пусть в свободное от работы время. Специальность, говорю! Работает где, кем?
Выбегалло отмалчивался, и я не вытерпел:
- Его специальность - читать поэзию, - сказал я. - Он специализируется по амфибрахию.
Хлебовводов посмотрел на меня с подозрением.
- Нет, - сказал он, - амфибрахий - это я понимаю. Амфибрахий там... То, се... Я что хочу уяснить? Я хочу уяснить, за что ему зарплату платят.
- У них зарплаты как таковой нет, - пояснил я.
- А! - обрадовался Хлебовводов. - Безработный! - но он тут же опять насторожился. - Нет, не получается!.. Концы с концами у вас не сходятся. Зарплаты нет, а отпуск есть. Что-то вы тут крутите, изворачиваетесь тут что-то...
- Грррм, - произнес Лавр Федотович, - имеется вопрос к докладчику, а также к научному консультанту. Профессия дела номер семьдесят два.
- Читатель поэзии, - быстро сказал Выбегалло. - И вдобавок... эта... амфибрахист.
- Место работы в настоящее время? - сказал Лавр Федотович.
- Пребывает в краткосрочном отпуске. Отдыхает, значить, краткосрочно.
Лавр Федотович, не поворачивая головы, перекатил взгляд в сторону Хлебовводова.
- Имеются еще вопросы? - осведомился он.
Хлебовводов тоскливо заерзал. Простым глазом было видно, как высокая доблесть солидарности с мнением начальства бьется в нем с не менее высоким чувством гражданского долга. Наконец гражданский долг победил, хотя и с заметным для себя ущербом.
- Что я должен сказать, Лавр Федотович, - залебезил Хлебовводов, - ведь вот что я должен сказать! Амфибрахист - это вполне понятно. Амфибрахий там... то, се... И насчет поэзии все четко. Пушкин там, Михалков, Корнейчук... А вот читатель. Нет же в номенклатуре такой профессии! И понятно, что нет. А то как это получится? Я, значит, стихи почитываю, а мне за это - блага, мне за это - отпуск... Вот что я должен уяснить.
Лавр Федотович взял бинокль и воззрился на Выбегаллу.
- Заслушаем мнение консультанта, - объявил он.
Выбегалло поднялся.
- Эта... - сказал он и погладил бороду. - Товарищ Хлебовводов правильно здесь заостряет вопрос и верно расставляет акценты. Народ любит стихи - се ля мон сюр ле кер ке же ву ле ди <я говорю вам это, положи руку на сердце (франц.)>. Но всякие ли стихи нужны народу? Же ву деманде ампе <я вас спрашиваю (франц.)>, всякие ли? Мы с вами, товарищи, знаем, что далеко не всякие. Поэтому мы должны очень строго следовать... эта... определенному, значит, курсу, не теряя из виду маяков и... эта... ле вин этире или ро ле буаро <когда вино откупорено, его следует выпить (франц.)>. Мое личное мнение вот такое: эдэ-туа эдые тедера <помогай себе сам, тогда и бог тебе поможет (франц.)>. Но я предложил бы еще заслушать присутствующего здесь представителя снизу товарища Привалова, вызвать его, так сказать, в качестве свидетеля...
Лавр Федотович перевел бинокль на меня. Хлебовводов сказал:

- А что ж, пускай. Все равно он постоянно выскакивает, не терпится ему, вот пускай и прояснит, раз он такой шустрый...

- Вуаля, - с горечью сказал Выбегалло. - Ле ду ка съен кон донно же бом дапрезан!

- Вот я и говорю: пускай, - повторил Хлебовводов.

- У них там очень много поэтов, - объяснил я, - все пишут стихи, и каждый поэт, естественно, хочет иметь своего читателя. Читатель же - существо неорганизованное, он этой простой вещи не понимает. Он с удовольствием читает хорошие стихи и даже заучивает их наизусть, а плохие знать не желает. Создается ситуация несправедливости, неравенства, а поскольку жители там очень деликатны и стремятся, чтобы всем было хорошо, создана специальная профессия - читатель. Одни специализируются по ямбу, другие - по хорею, а Константин Константинович - крупный специалист по амфибрахию и осваивает сейчас Александрийский стих, приобретает вторую специальность. Цех этот, естественно, вредный и читателям полагается не только усиленное питание, но и частые краткосрочные отпуска.

- Это я все понимаю! - проникновенно сказал Хлебовводов. - Ямбы там, хореи. Но я не понимаю: за что ему деньги платят? Ну, сидит, читает. Вредно, знаю! Но как ты его проверишь, читает он или кимарит? Вот я служил в инспекции по карантину и защите растений, так у нас попался один... Делает вид, что работает, даже записывает что-то в блокноте, а на деле - спит прошелыга! Сейчас по конторам многие наострились спать с открытыми глазами... Так вот я и не понимаю: наш-то как? Может, врет? Не должно же быть такой профессии, чтобы контроль был невозможен - работает человек или, наоборот, спит?

- Это все не так просто, - вмешался Эдик, оторвавшись от настройки реморализатора, - ведь он не только читает: ему присылают все стихи, написанные амфибрахием. Он должен все их прочесть, понять, найти в них источник высокого наслаждения, полюбить их и, естественно, обнаружить какие-нибудь недостатки. Об этих всех своих чувствах и размышлениях он обязан регулярно писать авторам и выступать на творческих вечерах этих авторов, на читательских конференциях, и выступать так, чтобы авторы были довольны, чтобы они чувствовали свою необходимость... Это очень, очень тяжелая профессия, - заключил он. - Константин Константинович - настоящий герой труда.

- Да, - сказал Хлебовводов, - теперь я уяснил. Полезная профессия. И система мне нравится. Хорошая система, справедливая.

- Продолжайте докладывать, товарищ Зубо, - произнес Лавр Федотович.

Комендант вновь поднес папку к глазам.

- Пункт девятый. Был ли за границей: был. В связи с неисправностью двигателя четыре часа находился на острове Рапа-Нуи.

Фарфуркис что-то неразборчиво пропищал, и Хлебовводов тотчас подхватился.

- Это чья же нынче территория? - обратился он к Выбегалле.

Профессор Выбегалло, добродушно улыбнувшись, широким жестом отослал его ко мне.

- Дадим слово молодежи, - сказал он.

- Территория Чили, - объяснил я.

- Чили, Чили... - забормотал Хлебовводов, тревожно поглядывая на Лавра Федотовича. Лавр Федотович хладнокровно курил. - Ну, раз Чили - ладно тогда, - решил Хлебовводов. - И четыре часа только... Ладно. Что там дальше?

- Протестую! - с безумной храбростью прошептал Фарфуркис, но комендант уже читал дальше:

- Пункт десятый. Краткая сущность необъясненности: разумное существо со звезды Антарес. Летчик космического корабля под названием "летающее блюдце"...

Лавр Федотович не возражал. Хлебовводов, глядя на него, одобрительно кивнул, и комендант продолжал:

- Пункт одиннадцатый. Данные о ближайших родственниках... Тут большой список.

- Читайте, читайте, - сказал Хлебовводов.

- Семьсот девяносто три лица, - предупредил комендант.

- И не пререкайтесь. Твое дело читать, вот и читайте. И разборчиво.

Комендант вздохнул и начал:

- Родители: А, Бе, Ве, Ге, Де, Е, Же...
- Ты это чего? Ты постойте... Ты погодите... - сказал Хлебовводов, от изумления открыв рот. - Ты что, в школе? Мы тебе что, дети?
- Как написано, так и читаю, - огрызнулся комендант и продолжал, повысив голос: - Зе, И, Й, Ке...
- Грррм, - произнес Лавр Федотович, - имеется вопрос к докладчику.

Отец дела номер семьдесят два. Фамилия, имя, отчество.

- Одну минутку, - вмешался я. - У Константина Константиновича девяносто четыре родителя пяти различных полов, девяносто шесть собратников четырех различных полов, двести семь детей пяти различных полов и триста девяносто шесть соутробцев пяти различных полов.

Эффект моего сообщения превзошел все ожидания. Лавр Федотович в замешательстве взял бинокль и поднес его ко рту. Хлебовводов непрерывно облизывался. Фарфуркис яростно листал записную книжку.

На Выбегалло надеяться не приходилось, и я готовился к генеральному сражению - углублял траншеи до полного профиля, минировал танкоопасные направления, оборудовал отсечные позиции. Погребов ломились от боеприпасов, артиллеристы застыли у орудий, пехоте было выдано по чарке водки. Тишина тянулась, набухла грозой, насыщалась электричеством, и рука моя уже легла на телефонную трубку - я был готов командовать упреждающий атомный удар, однако все это ожидание рева, грохота, лязга окончилось пшиком.

Хлебовводов вдруг осклабился, наклонился к уху Лавра Федотовича и принялся ему что-то нашептывать, бегая по углам замаслившимися глазками. Лавр Федотович опустил обслюенный бинокль, прикрылся ладонью и произнес вздрогнувшим голосом:

- Продолжайте докладывать, товарищ Зубо.

Комендант с готовностью отложил список родственников и зачитал:

- Пункт двенадцатый. Адрес постоянного места жительства: Галактика, звезда Антарес, планета Константина, государство Константин, город Константинов, вызов 457/142-9. Все.

- Протестую, - сказал Фарфуркис окрепшим голосом.

Лавр Федотович благосклонно взглянул на него. Опала кончилась, и Фарфуркис со слезами счастья на глазах затарахтел:

- Я протестую! В описании возраста допущена явная нелепость. В анкете указана дата рождения - двести тринадцатый год до новой эры. Если бы это было так, то делу номер семьдесят два было бы сейчас более двух тысяч лет, что на две тысячи лет превышает максимальный известный науке возраст. Я требую уточнить дату и наказать виновного.

Хлебовводов ревниво спросил:

- А может быть он горец, откуда вы знаете?

- Но позвольте! - вскричал Фарфуркис. - Даже горцы...

- Не позволю я, - сказал Хлебовводов, - не позволю я вам преуменьшать достижений наших славных горцев! Если хотите знать, то максимальный возраст наших горцев предела не имеет! - и он победно поглядел на Лавра Федотовича.

- Народ... - произнес Лавр Федотович. - Народ вечен. Пришельцы приходят и уходят, а народ наш пребывает вовеки.

Фарфуркис и Хлебовводов не поняли, в чью пользу высказался председатель. Ни тому, ни другому рисковать не хотелось. Один был на гребне, не желал из-за какого-то пришельца с этого гребня спускаться, Другой глубоко внизу, висел над пропастью и ему только что была сброшена спасительная бечевка.

Лавр Федотович произнес:

- У вас все, товарищ Зубо? Вопросы есть? Других предложений нет. Пусть дело войдет.

Комендант засуетился, схватился за перламутровый шарик, и зажмурившись, сильно сжал его между пальцев. Раздался звук откупориваемой бутылки, и рядом с демонстрационным столом появился Константин. По-видимому, вызов захватил его во время работы: он был в комбинезоне, заляпанном флюоресцентной смазкой, передние руки у него были в рабочих металлических перчатках, а задние он торопливо вытирал о спину. Все четыре глаза его хранили озабоченное выражение. В комнате распространился сильный запах Большой Химии.

- Здравствуйте, - сказал Константин обрадованно, сообразив, наконец, куда попал, - наконец-то вы меня вызвали. Правда, дело мое пустяковое,

неловко даже вас беспокоить, но я в безвыходном положении, и мне только остается, что просить о помощи. Чтобы не задерживать долго ваше внимание, что мне нужно? - и он принялся загибать пальцы на правой передней руке. - Лазерную сверлильную установку - но самой высокой мощности. Плазменную головку, у вас такие уже есть, я знаю... Два инкубатора на тысячу яиц каждый. Для начала мне этого хватит, но хорошо бы еще квалифицированного инженера, и чтобы разрешили работать в лабораториях ФИАНА.

- Так какой же это пришелец? - с изумлением и негодованием произнес Хлебовводов. - Какое он, я спрашиваю, пришелец, если я каждый день вижу его в ресторане? Вы, собственно, гражданин, кто такой и как сюда попали?

- Я - Константин из системы Антареса... - Константин смутился. - Я думал, что вы уже все знаете... Меня уже спрашивали, я анкеты заполнял...

- он заметил Выбегаллу и приветливо ему улыбнулся. - Ведь это вы меня спрашивали, верно?

Хлебовводов тоже обратился к Выбегалле.

- Так это, по-вашему, пришелец? - язвительно спросил он.

- Эта... - сказал Выбегалло с достоинством, - современная наука не отрицает, значит, возможности прибытия пришельцев, товарищ Хлебовводов, надо быть в курсе дела. Это официальное мнение, и гораздо более ответственных научных работников... Джордано Бруно, например, высказывался по этому вопросу вполне официально... Академик Волосьянц, Левон Альфредович, тоже... И... эта... писатели, Уэльс, например, или, скажем, Чугунец....

- Странные какие-то дела творятся, - сказал Хлебовводов с недоверием.

- Пришельцы какие-то странные пошли...

- Я вот смотрю фотографию в деле, - подал голос Фарфуркис, - и вижу, что это общее сходство имеется, но у товарища на фотографии две руки, а у этого неизвестного гражданина - четыре. Как это с точки зрения науки может быть объяснено?

Выбегалло разразился длинной французской цитатой, смысл которого сводился к тому, что некий Артур любил поутру выйти на берег моря, предварительно выпив чашку шоколада. Я перебил его и сказал:

- Костя, встаньте, пожалуйста, к товарищу Фарфуркису лицом.

Константин повиновался.

- Так-так-так, - сказал Фарфуркис, - с этим мы разобрались... Должен вам сказать, Лавр Федотович, что сходство фотографии с этим вот товарищем несомненное. Вот четыре глаза я вижу... Да, четыре, носа нет.. Рот крючком. Все правильно.

- Ну, не знаю, - сказал Хлебовводов. - О пришельцах, ясно, писали в прессе, и утверждалось там, что если бы пришельцы существовали, они дали бы о себе знать. А поскольку, значит, не дают о себе знать, то их и нет, а есть выдумка, недобросовестных лиц... Вы - пришелец? - гаркнул он вдруг на Константина.

- Да, - сказал Константин, попятившись.

- Знать вы о себе давали?

- Я не давал, - сказал Константин. - Я вообще не собирался у вас приземляться. Дело в том, по-моему...

- Нет уж, гражданин хороший, ты мне это бросьте. Именно в этом и есть дело. Дал о себе знать - милости просим, хлеб-соль выносим, пей-гуляй. А не дал - не обессудь амфибрахий, а мы тут тоже деньги не даром получаем. Мы тут работаем и отвлекаться на посторонних не можем. Таково мое общее мнение.

- Грррм, - произнес Лавр Федотович, - кто еще желает высказаться?

- Я, с вашего позволения, - попросил Фарфуркис. - Товарищ Хлебовводов в целом верно изобразил положение вещей. Однако, мне кажется, что несмотря на загруженность работой, мы не должны отмахиваться от товарища. Мне кажется, мы должны подойти более индивидуально к этому конкретному случаю. Я - за более тщательное расследование, никто не должен получить возможность обвинять нас в поспешности, бюрократизме и бездушии, с одной стороны, а также халатности, прекраснотушии и отсутствии бдительности с другой стороны. С позволения Лавра Федотовича я предложил бы провести дополнительный опрос гражданина Константина с целью выяснения его личности.

- Чего это мы будем подменять собой милицию? - сказал Хлебовводов, чувствуя, что поверженный соперник вновь неудержимо лезет вверх по склону.

- Прошу прощения! - сказал Фарфуркис. - Не подменять собой милицию, а содействовать исполнению духа и буквы инструкции, где в параграфе девятом главы первой части шестой сказано по этому поводу... - Голос его повысился до торжественной звонкости, - "В случае, когда администрация совместно с научным консультантом, хорошо знающим местные условия, произвели идентификацию, которая вызывает сомнения у Тройки, надлежит произвести дополнительное изучение дела на предмет уточнения идентификации совместно с уполномоченным Тройки или на одном из заседаний Тройки". Что я и предлагаю.

- Инструкция, инструкция, - сказал Хлебовводов гнусаво. - Мы будем по инструкции, а он нам тут голову будет морочить, жулик четырехглазый... Время у нас будет отнимать, народное время! - воскликнул он, страдальчески косясь на Лавра Федотовича.

- Почему же это я жулик? - осведомился Константин с возмущением. - Вы меня оскорбляете, гражданин Хлебовводов. И вообще, я вижу, что вам совершенно безразлично, пришелец я или не пришелец, вы только стараетесь подсадить гражданина Фарфуркиса и выиграть в глазах гражданина Вунюкова...

- Клевета! - наливаясь кровью закричал Хлебовводов. - Оговаривают! Да что же это, товарищи? Двадцать пять лет, куда прикажут... Ни одного взыскания... Всегда с повышением.

- И опять врете, - сказал Константин. - Два раза вас выгоняли без всякого повышения.

- Да это навет! Лавр Федотович! Вы слышите, товарищи!.. Много на себя берете, гражданин Константинов! Еще посмотрим, чем ваша сотня родителей занималась. Набрал, понимаете, родственников целое учреждение...

- Грррм, - проговорил Лавр Федотович, - у меня предложение прекратить прения и подвести черту. Другие предложения есть?

Наступила тишина. Фарфуркис, не слишком скрываясь, торжествовал, Хлебовводов утирался платком, а Константин пристально вглядывался в Лавра Федотовича, явно тщаь прочесть его мысли, или хотя бы проникнуть в его душу, однако было видно, что его старания пропадают втуне и в четырехглазом безносом лице его виделась мне все более отчетливая разочарованность опытного кладоискателя, который отвалил заветный камень, засунул руку по плечо в древний тайник, и никак не может там нащупать ничего, кроме липкой паутины и каких-то неопределенных крошек.

- Поскольку других предложений не поступает, - провозгласил Лавр Федотович, - приступим к расследованию дела. Слово предоставляется... - он сделал томительную паузу, во время которой Хлебовводов чуть не умер. - Товарищу Фарфуркису.

Хлебовводов, очутившись на дне зловонной пропасти, безумными глазами следил за полетом стервятника, совершавшего круг за кругом в недоступной теперь ведомственной синеве. Фарфуркис же не торопился начинать. Он проделал еще пару кругов, обдавая Хлебовводова пометом, затем уселся на гребне, почистил перышки, охорашиваясь и кокетливо поглядывая на Лавра Федотовича, и наконец приступил:

- Вы утверждаете, товарищ Константинов, что вы есть пришелец с иной планеты. Какими документами вы могли бы подтвердить это ваше заявление?

- Я мог бы показать вам бортовой журнал, - сказал Константин, - но во-первых, он не транспортабелен, а, во-вторых, я вообще не хотел бы затрудняться и затруднять вас какими-то доказательствами. Ведь я пришел сюда, чтобы просить у вас помощи. Всякая планета, входящая в Космическую Конвенцию, обязана оказывать помощь потерпевшему аварии. Я уже сказал, что мне нужно, и теперь только жду ответа. Может быть, вы не способны оказать мне помощь. Тогда лучше скажите об этом прямо... Тут нет ничего постыдного...

- Минуточку, - прервал его Фарфуркис, - вопрос о компетентности настоящей Комиссии в смысле оказания помощи представителям иных планет мы пока отложим. Наша задача сейчас - идентифицировать вас, товарищ Константинов, как такового представителя... Минуточку, я еще не кончил. Вы упомянули бортовой журнал, и упомянули, что он, к сожалению, не транспортабелен. Но может быть, Тройка получит возможность осмотреть оный журнал непосредственно на борту вашего корабля?

- Нет, это тоже невозможно, - вздохнул Константин. Он внимательно изучал Фарфуркиса.

- Ну уж, это ваше право, - сказал Фарфуркис. - Но в таком случае вы,

может быть, представите нам какую-нибудь другую документацию, могущую служить удостоверением вашего происхождения?

- Я вижу, - сказал Константин с некоторым удивлением, - что вы действительно хотите убедиться в том, что я пришелец. Правда мотивы ваши мне не совсем понятны... Но не будем об этом. Что касается доказательств, то неужели мой внешний вид не наводит вас на правильные умозаключения?

Фарфуркис с сожалением покачал головой.

- Увы, - сказал он, - все обстоит не так просто. Наука не дает нам вполне четкого представления о том, что есть человек. Это естественно. Если бы, например, наука определила людей, как существ с двумя глазами и с двумя руками, то значительные слои населения, обладающие лишь одной рукой или вообще безрукие, оказались бы в ложном положении, с другой стороны, медицина в наше время творит чудеса. Я сам видел по телевизору собак с двумя головами и с шестью лапами, и у меня нет никаких оснований...

- Тогда, может быть, вид моего корабля... Вид достаточно необычный для вашей земной техники...

Вновь Фарфуркис покачал головой.

- Вы должны понимать, - мягко сказал он, - что в наш век, атомный век, члена общественного органа, имеющего специальный пропуск, трудно удивить каким бы то ни было техническим сооружением.

- Я могу читать мысли, - сообщил Константин, он явно заинтересовался.

- Телепатия антинаучна, - мягко сказал Фарфуркис. - Мы в нее не верим.

- Вот как? - удивился Константин. - Странно... Но послушайте, что я сейчас скажу. Вот вы, например, намерены рассказать мне о казусе с "Наутилусом", а вот гражданин Хлебовводов...

- Навет! - хрипло закричал Хлебовводов и Константин замолк.

- Поймите нас правильно, - проникновенно сказал Фарфуркис, прижимая руки к полной груди. - Мы ведь не утверждаем, что телепатия не существует. Мы утверждаем лишь, что телепатия антинаучна и мы в нее не верим. Вы упомянули про казус с подводной лодкой "Наутилус", но ведь хорошо известно, что это лишь буржуазная утка, сфабрикованная для того, чтобы отвлечь внимание народов от насущных проблем сегодняшнего дня. Так что ваши телепатические способности, истинные или вами воображаемые, являются лишь фактом вашей личной биографии, каковая и есть в настоящее время объектом нашего расследования. Вы чувствуете замкнутый круг?

- Чувствую, - согласился Константин, - а если бы я, скажем, при вас сейчас немного полетал?

- Это было бы, конечно, интересно. Но мы к сожалению, сейчас на работе, и не можем предаваться зрелищам, даже самым захватывающим.

Константин вопросительно поглядел на нас. Мне казалось, что положение безнадежно, мне было вообще не до шуток: Константин этого не понимал, но Большая Круглая Печать уже висела над ним, как дамоклов меч, а Эдик все возился со своей игрушкой, и я не знал что делать. Можно было только тянуть время и я сказал:

- Давай, Костя.

Костя дал. Сначала он давал несколько вяло, осторожничал, боялся что-нибудь поломать, но постепенно увлекся, и продемонстрировал ряд чрезвычайно эффектных экзерсисов с пространственно - временным континуумом с различными трансформациями живого коллоида и критическим состоянием органов отражения. Когда он остановился, у меня кружилась голова, пульс неистовствовал, трещало в ушах, и я еле расслышал усталый голос пришельца:

- Время уходит. Мне некогда. Говорите, что вы решили.

И ему опять никто не ответил. Лавр Федотович задумчиво вертел длинными пальцами коробочку. Умное его лицо было непроницаемо. Хлебовводов ни на что не обращал внимания или делал вид, что не обращает. Он нацарапал еще одну записку и перебрал ее. Зубо, а тот внимательно прочитал и бесшумно пробежал пальцами по клавиатуре информационной машины. Фарфуркис листал справочник, уставясь на страницы невидящими глазами. А Выбегалло мучился. Он кусал губы, морщился, и даже тихонько покряхтывал. Тут из машины с сухим щелчком вылетела белая карточка. Зубо подхватил ее и передал Хлебовводову.

Я посмотрел на Эдика. Эдик держал реморализатор на раскрытой ладони. Вглядываясь одним глазом в зеркальное окошечко, он осторожно подкручивал маленький верньер. Я затаил дыхание и стал смотреть и слушать.

- Скачок в тысячу лет, - тихо сказал Выбегалло.
- Скачок назад, - проговорил Фарфуркис сквозь зубы. Он все листал справочник.

- Я не знаю, как мы теперь будем работать, - сказал Выбегалло. - Мы заглянули в конец задачника, где все ответы.

- Но вы еще не видели ответов, - возразил Фарфуркис. - Хотите видеть?

- Какая разница, - сказал Выбегалло, - раз мы знаем, что ответы есть.

Скучно искать, когда совершенно точно знаешь, что кто-то уже нашел.

Пришелец ждал, переплетая руки. Ему было неудобно в кресле с низкой спинкой, и он сидел, напряженно выпрямившись. Его круглые немигающие глаза неприятно светились красным. Хлебовводов отшвырнул карточку, написал вторую записку, и Зубо вновь склонился над клавиатурой.

- Я знаю, что мы должны отказаться, - сказал Выбегалло. - Я знаю, что мы двадцать раз проклянем себя за такое решение.

- Это еще не самое плохое, что с нами может случиться, - сказал Фарфуркис. - Хуже, если нас двадцать раз проклянут другие.

- Наши внуки, и может быть, даже дети уже воспринимали бы все, как данное.

- Моральный критерий гуманизма, - сказал Выбегалло, слабо усмехнувшись.

- Нам не должно быть безразлично, что именно наши дети будут воспринимать как данное.

- У нас нет других критериев, - возразил Фарфуркис.

- К сожалению, - сказал Выбегалло.

- К счастью, коллега, к счастью. Всякий раз, когда человечество пользовалось другими критериями, оно жестоко страдало.

- Я знаю это. Я хотел бы это не знать, - Выбегалло посмотрел на Лавра Федотовича. - Проблема, которую мы здесь решаем, поставлена некорректно. Она базируется на смутных понятиях, на неясных формулировках, на интуиции. Как ученый, я не берусь решать эту задачу точно. Остается одно, быть человеком. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я - против территориального контакта... Это ненадолго, - возбужденно выкрикнул он, всем телом подавшись в сторону неподвижного Пришельца. - Вы должны нас правильно понять... Я уверен, что это - ненадолго. Дайте нам время, мы ведь так недавно вышли из хаоса, мы еще по пояс в хаосе... - он замолчал и уронил голову на руки.

Лавр Федотович посмотрел на Фарфуркиса.

- Я могу сейчас повторить лишь то, что говорил раньше, - негромко сказал Фарфуркис. - Меня никто ни в чем не переубедит. Я против всякого контакта на исторически длительные сроки... Я абсолютно уверен, - вежливо добавил он, - что высокая договаривающаяся сторона восприняла бы всякое иное решение, как свидетельство самонадеянности и социальной незрелости. - Он коротко поклонился в сторону Пришельца.

- Вы? - вопросительно произнес Лавр Федотович.

- Категорически против всякого контакта, - отозвался Хлебовводов, продолжая писать. - Категорически и безусловно. - Он перебрал Зубо очередную записку. - Обоснований не приведу, но прошу оставить за мной право сказать еще несколько слов по этому поводу через десять минут.

Лавр Федотович осторожно положил диктофон и медленно поднялся. Пришелец тоже поднялся. Они стояли друг против друга, разделенные огромным столом, заваленным справочниками, футлярами микрокниг, катушками видеоманитной записи.

- Мне нелегко сейчас говорить, - начал Лавр Федотович, - нелегко потому, что обстоятельства требуют, вероятно, высокой патетики и слов не только точных, но и тождественных. Однако здесь у нас, на Земле, все патетическое потерпело за последний век решительную инфляцию. Поэтому я постараюсь быть просто точным. Вы предложили нам дружбу и сотрудничество во всех аспектах цивилизации. Это предложение беспрецедентно в человеческой истории, как беспрецедентен и сам факт появления инопланетного существа на нашей планете, как беспрецедентен наш ответ на ваше предложение. Мы отвечаем вам отказом по всем пунктам предложенного вами договора, мы отказываемся выдвинуть какой-либо контрдоговор, мы категорически настаиваем на прекращении каких бы то ни было контактов между нашими цивилизациями, между их отдельными представителями. С другой стороны, нам не хотелось бы, чтобы категорический, недружелюбный по форме

отказ углубил бы пропасть между нашими культурами, пропасть, и без того едва преодолимую. Мы имеем заявить, что идея контактов между различными цивилизациями признается нами в принципе полезной и многообещающей. Мы имеем подчеркнуть, что идея контакта с древнейших времен входила в сокровищницу самых лелеемых гордых замыслов нашего человечества, мы имеем уверить вас в том, что наш отказ ни в коем случае не должен рассматриваться вами, как движение враждебное, основанное на скрытом недружелюбии или связанное с идеологическими или иными инстинктивными рассудками. Нам хотелось бы, чтобы причины отказа были вам известны, вами поняты, и, если не одобрены, то хотя бы приняты к сведению.

Выбегалло и Фарфуркис в неподвижном напряжении, не мигая, глядели на Лавра Федотовича. Хлебовводов получил ответ на последнюю записку, сложил все карточки в аккуратную пачку и тоже стал смотреть на Лавра Федотовича.

- Неравенство между нашими цивилизациями огромно, - продолжал Лавр Федотович. - Я не говорю о неравенстве биологическом, природа одарила вас гораздо более щедро, чем нас, не стоит и говорить о неравенстве социальном, вы давно прошли ту стадию общественного развития, в которую мы едва лишь вступили. И уж конечно я не говорю о неравенстве научно-техническом - по самым скромным подсчетам вы обогнали нас на несколько веков. Я буду говорить о прямом следствии этих трех аспектов - о гигантском психологическом неравенстве, которое является главной причиной невозможности наших переговоров. Нас разделяет гигантская пропасть массовой психологии, к которой мы только начали готовиться, и о которой вы, наверное, уже забыли. Психологический разрыв не позволяет нам составить правильное представление о целях вашего прибытия. Мы не понимаем, зачем Вам нужна дружба с нами. Ведь мы только вышли из состояния непрерывных войн, из мира кровопролития и насилия, из мира лжи, подлости, корыстолюбия, мы еще не отмылись от грязи этого мира, мы сталкиваемся с явлениями, которые наш разум не способен вскрыть, когда в нашем распоряжении остается наш огромный, но не освоенный еще опыт, наша психология побуждает нас строить модели явлений по нашему образу и подобию. Грубо говоря, мы не доверяем вам, как не доверяем все еще себе самим. Наша классовая психология базируется на эгоизме, утилитаризме и мистике. Установление и расширение контакта с вами означает для нас прежде всего немыслимое усложнение и без того сложного положения на нашей планете. Наш эгоизм, наш антропоцентризм, тысячелетиями воспитываемый в нас религиями и наивными философиями уверенных в нашем первоначальном превосходстве, в нашей исключительности и избранности все это грозит породить чудовищный психологический шок, вспышку иррациональной ненависти, истерического страха перед вашими невообразимыми возможностями. Ощущение огромного унижения и внезапного падения с трона царя природы в грязь. Наш утилитаризм породит у огромной части населения стремление безумно воспользоваться материальными благами прогресса, доставшегося без усилий, даром, что грозит неотвратимо повернуть души к тунеядству и потребительству, а, видит бог, что мы уже сейчас отчаянно боремся с этим, как следствием нашего собственного научно-технического прогресса. Что же касается нашего закоренелого мистицизма, нашей застарелой надежды на добрых богов, добрых царей и героев, надежды на вмешательство авторитетной личности, которая придет и снимет с нас все заботы и всю ответственность, что касается этой оборотной стороны нашего эгоизма, то вы, вероятно, даже представить себе не можете, каков будет в этом смысле результат вашего постоянного присутствия у нас на планете. Я надеюсь, что вы теперь и сами видите, что расширение контактов грозит свести к нулю то небольшое, что нам самим удалось сделать в области революции в психологии. И вы должны понимать, что ни в вас, ни в ваших достоинствах и в ваших недостатках лежит причина нашего отказа от контакта. Она лежит только в нас, в нашей неподготовленности. Мы отчетливо понимаем это и, категорически отказываясь от расширения контакта с вами сегодня, мы отнюдь не собираемся увековечить такое положение. Поэтому мы со своей стороны предлагаем... - Лавр Федотович возвысил голос, все встали. - Мы предлагаем через пятьдесят лет после вашего отлета повторить встречу полномочных представителей обеих цивилизаций на северном полюсе планеты Плутон. Мы надеемся, что к этому времени мы будем более подготовленными к благоприятному и обдуманному сотрудничеству наших цивилизаций. - Лавр Федотович кончил и сел, и все сели. Остался стоять только Хлебовводов и Пришелец.

- Присоединяюсь целиком и полностью к содержанию и форме предложенного здесь председателем, - резко и сухо заговорил Хлебовводов. - Я считаю своим долгом, однако, не оставлять никаких сомнений у высокой договаривающейся стороны в нашей решимости всеми средствами не допускать контактов до условленного времени. Сознвая полностью огромное техническое а, следовательно, и военное превосходство вашей договаривающейся стороны, я, тем не менее считаю своим долгом совершенно недвусмысленно заявить, что любая попытка насильственного навязывания контакта, в какой бы форме она не предпринималась, будет рассматриваться нами с момента вашего отлета, как акт агрессии и будет встречена всей мощью земного оружия. Всякий корабль, появившийся в зоне достижения наших боевых средств будут уничтожаться без предупреждения...

- Хватит? - спросил меня Эдик.

Все выглядели, как на фотографии.

- Не знаю, - сказал я. - Век бы слушал.

- Да, не плохо получилось, - сказал Эдик, - но кончать надо. Такой расход мозговой энергии...

Он выключил реморализатор и Фарфуркис тотчас занул:

- Ну, товарищи!.. Ну, невозможно же работать, ну, куда это мы въехали...

Выбегалло пожевал губами, мутно огляделся и полез в бороду чесаться.

- Точно! - сказал Хлебовводов и сел. - Надо кончать. Я тут в меньшинстве, но я что? Я - пожалуйста! Не хотите его в милицию, - не надо. Только рационализировать нам этого фокусника, как необъясненное явление, ей-богу, ни к чему. Подумаешь, отрастил себе еще две руки...

- Не берет! - горько произнес у меня над ухом Эдик. - Плохи дела, Саша... Нет у них морали, у этих канализаторов...

- Грррм, - сказал Лавр Федотович и разразился небольшой речью, из которой следовало, что общественности не нужны необъяснимые явления, которые могли бы представить, по тем или иным причинам, но не представляют документацию, удовлетворяющую их право на необъясненность. С другой стороны, народ уже давно требует беспощадного выкорчевывания бюрократизма и бумажной волокиты во всех инстанциях. На основании этого тезиса Лавр Федотович выразил общее мнение, что рассмотренное дело номер 72, надлежит перенести на декабрь месяц текущего года, с тем, чтобы дать возможность товарищу Константинову К. К. отбыть по месту постоянного жительства и успеть вернуться оттуда с надлежаще оформленными документами. Что же касается товарищу Константинову К. К. материальной помощи, то Тройка имеет право оказывать таковую или ходатайствовать в оказании таковой лишь в тех случаях, когда проситель представляет собой идентифицированное ею необъясненное явление, а поскольку товарищ Константинов как таковое явление еще не идентифицирован, то вопрос о предоставлении ему помощи откладывается до декабря, а точнее до момента идентификации...

Большая Круглая Печать на сцене не появилась, и я облегченно вздохнул. Константин же, который в ситуации так до конца и не разобрался, и которого давно уже распирало, демонстративно, очень по нашему, плюнул и исчез.

- Это выпад! - радостно закричал Хлебовводов. - Видели, как он харкнул? Весь пол заплывал!

- Возмутительно, - согласился Фарфуркис. - Я квалифицирую это, как оскорбление.

- Я же говорил - жулик, - сказал Хлебовводов. - Надо связаться с милицией, пускай его посадят на пятнадцать суток, пускай он улицы подметает в четыре руки...

- Нет, товарищ Хлебовводов, - возразил Фарфуркис, - это не милицией пахнет. Здесь вы недооценили. Этот плевок в лицо общественности и администрации - дело подсудное!

Лавр Федотович безмолвствовал, но его костлявые веснушчатые пальцы возбужденно бегали по столу - он искал какую-то особенную кнопку, то ли телефон. Запахло политической уголовщиной. Выбегалло, которому было на Константина глубоко начхать, не мычал и не телился. Я прокашлялся и попросил внимания. Внимание было мне даровано, хотя и не очень охотно - глаза уже возбужденно сверкали, загривки щетинились, клыки готовы были рвать, а когти драть. Стараясь говорить по возможности более веско, я напомнил Тройке, что в ее интересах занимать галактоцентрические, а отнюдь

не антропоцентрические позиции. Я указал, что обычаи и способы выражения чувств у инопланетных существ могут и должны сильно отличаться от человеческих. Я обратился к изжеванной аналогии с обычаями различных племен и народов нашей планеты. Я выразил уверенность, что товарища Фарфуркиса не удовлетворило бы потирание носами в качестве приветствия, принятого между некоторыми народами Севера, но что товарищ Фарфуркис вряд ли воспринял бы это потирание, как унижение его положения, как члена Тройки. Что касается товарища Константинова, то обычаи сплевывать на землю избыток жидкости, определенного химического состава, образующегося в ротовой полости, обычай, означающий у некоторых народов земли не удовольствие, а стремление оскорбить собеседника, может и должен у инопланетного существа выражать нечто совершенно иное, в том числе и благодарность за внимание. Так называемый плевок у товарища Константинова мог представлять собой чисто нейтральную функцию, связанную со спецификой физиологического функционирования его организма... ("Чего там - функция! - заорал Хлебовводов. - Заплевал весь пол, как бандит и смысл!") Наконец нельзя упускать из виду возможности интерпретировать упомянутое физиологическое отправление товарища Константинова, как действие связанное с его способом молниеносного передвижения в пространстве...

Я разливался соловьем, и с облегчением наблюдал, как пальцы Лавра Федотовича двигались все медленнее и медленнее, и, наконец, успокоенно легли на бюваре. Хлебовводов продолжал еще рывкать, но чуткий Фарфуркис быстро уловил изменение ситуации и перенес острие удара в совершенно неожиданную сторону. Он вдруг обрушился на коменданта, который до сих пор, считая себя в полной безопасности с простодушным любопытством, наблюдал развитие инцидента.

- Я давно уже обратил внимание на то, - загремел Фарфуркис, - что воспитательная работа в Колонии Необъясненных Явлений поставлена безобразно. Политико-просветительные лекции почти не проводятся. Доска наглядной агитации отражает вчерашний день. Вечерний университет культуры практически не функционирует. Все культурные мероприятия в Колонии сведены к танцулькам, демонстрациям заграничных фильмов, к пошлым эстрадным представлениям, лозунговое хозяйство запущено. Колонисты предоставлены сами себе, многие из них морально опустошены, и никто не разбирается в международном положении, а самые отстающие из колонистов, например, дух некоего Винера, даже не понимают, где находятся. В результате аморальные поступки, хулиганство и поток жалоб от населения. Позавчера птеродактиль Кузьма, покинув территорию колонии и несомненно находясь в нетрезвом виде, летал над клубом рабочей молодежи и скусывал электрические лампочки, окаймляющие транспарант с надписью "Добро пожаловать". Некий Нилай Долгоносиков, именуемый себя телепатом и спиритом, обманым путем проник в женское общежитие педагогического техникума и производил там беседы и действия, которые были квалифицированы администрацией, как религиозная пропаганда. И вот сегодня мы сталкиваемся с новым печальным следствием преступно-халатного отношения коменданта Колонии товарища Зубо к вопросам воспитания и пропаганды. Чем бы ни было на самом деле сплевывание товарищем Константиновым избытка жидкости из ротовой полости, оно свидетельствует о недостатке понимания товарищем Константиновым где он находится и как обязан себя вести, это в свою очередь есть просчет товарища Зубо, который не разъяснил колонистам смысла пословицы народной: "В чужой монастырь со своим уставом не суйся". И я считаю, что мы обязаны поставить на вид товарищу Зубо, строго предупредить его и обязать повысить уровень воспитательной работы во вверенной ему Колонии!

Фарфуркис закрутился и за коменданта принялся Хлебовводов. Речь его была несвязна, но полна смутных угроз и намеков какого-то жуткого смысла, что комендант совсем ослабел и открыто глотал пилюли, пока Хлебовводов орал: "Я тебя поплююсь!.. Ты понимаешь, что, или совсем ошалели?.."

- Грррм, - сказал наконец Лавр Федотович и пошел ставить каменные точки над всякими буквами.

Комендант получил на вид за недостойное поведение в присутствии Тройки, выразившееся в плеваньи на пол товарищем Константиновым, а также за утрату административного обоняния. Товарищ Константинов К.К. получил предупреждение в дело за хождение по потолку в обуви. Фарфуркис получил уставное замечание за систематическое превышение регламента при выступлении, а Хлебовводов - за нарушение административной этики,

выразившееся в попытке облыжно оболгать Константинова К.К. Выбегалле был объявлен устный выговор за появление в строю в небритом виде.

- Других предложений нет? - осведомился Лавр Федотович. Хлебовводов тотчас же ткнул ему в ухо и зашептал. Лавр Федотович выслушал и закончил: - Есть также предложение напомнить некоторым представителям снизу о необходимости более активно участвовать в работе Тройки.

Теперь получили все, никто не был забыт и ничто не было забыто. Атмосфера сразу очистилась, все - даже комендант - повеселели, только Эдик нахмурился, погрузившись в задумчивость.

- Следующий, - произнес Лавр Федотович. - Доложите, товарищ Зубо.

- Дело номер второе, - зачитал комендант. - Фамилия: прочерк. Имя: прочерк. Отчество: прочерк. Кличка: Кузьма. Год и место рождения: не установлены. Вероятно, Конго.

- Он что, немой, что ли? - бладушно осведомился Хлебовводов.

- Говорить не умеет, - ответил комендант. - Только квакает.

- От рождения такой?

- Надо полагать, да.

- Наследственность, стало быть, плохая, - сказал Хлебовводов. - Оттого и в бандиты подался. Судимостей много?

- У кого? - спросил ошарашенный комендант. - У меня?

- Да нет, почему у тебя? У этого... у бандита. Как его там по кличке?

Васька?

- Протестую, - нетерпеливо сказал Фарфуркис. - Товарищ Хлебовводов исходит из предвзятого, что клички бывают только у бандитов. Между тем в инструкции в параграфе восьмом главы четвертой предполагается наделять кличкой необъясненное явление, которое идентифицируется как живое существо, не обладающее разумом.

- А! - сказал Хлебовводов разочарованно. - Собака какая-нибудь. А я думал, бандит. Это когда я заведовал кассой взаимопомощи театральных деятелей при ВТО, был у меня кассир...

- Я протестую! - плачущим голосом закричал Фарфуркис. - Это нарушение регламента. Так мы до ночи не кончим!

Хлебовводов поглядел на часы.

- И верно, - сказал он. - Извиняюсь. Валяйте браток, где ты там остановился?

- Пункт пятый, - прочитал комендант. - Национальность: птеродактиль.

Все содрогнулись, но время поджимало, и никто не сказал ни слова.

- Образование: прочерк, - продолжал читать комендант. - Знание иностранных языков: прочерк. Профессия и место работы в настоящее время: прочерк. Был ли за границей: вероятно, да...

- Ох, это плохо, - пробормотал Хлебовводов. - Плохо это! Ох, бдительность... Птеродактиль, говорите? Это что же - белый он? Или черный?

- Он, как бы сказать, сероватый такой, - объяснил комендант.

- Ага, - сказал Хлебовводов. - И говорить не может, только квакает...

Ну, ладно, дальше.

- Краткая сущность необъясненности: считается вымершим пятьдесят миллионов лет назад, - несмело сказал комендант.

- Несерьезно все это как-то, - пробормотал Фарфуркис и поглядел на часы. - Да читайте же, - простонал он. - Дальше читайте.

- Данные о ближайших родственниках: вероятно, все вымерли. Адрес постоянного места жительства: Китежград, Колония Необъясненных Явлений.

- Прописан? - строго спросил Хлебовводов.

- Да вроде бы как прописан, - ответил комендант. - Как заявился он, так занесли его в книгу почетных посетителей, так с тех пор и пребывает. Можно сказать, прижился Кузьма, - в голосе коменданта послышались нежные нотки: Кузьке он явно покровительствовал.

- У вас все? - осведомился Лавр Федотович, - тогда есть предложение вызвать дело.

Других предложений не было.

Комендант отдернул штору на окне и ласково позвал:

"Кузь-кузь-кузь-кузь... Вон, сидит на трубе, паршивец, - произнес он нежно. - Стесняется... Стеснительный он очень. Ку-у-узь! Кузь-кузь-кузь... Летит, летит, жулик, - сообщил он, отступая от окна.

Послышался кожаный шорох и свист, огромная тень на секунду закрыла небо, и Кузьма, трепеща распахнутой перепонкой, плавно опустился на

демонстрационный стол. Сложив крылья, он задрал голову, разинул длинную зубастую пасть и тихонько квакнул.

- Это он здоровается, - пояснил комендант. - Ве-еж-ли-вый, сукин кот, все как есть понимает.

Кузька оглядел Тройку, встретился с мертвенным взглядом Лавра Федотовича и вдруг застенчиво выглядывать из кожистых складок одним глазом огромным, зеленым, анахроничным, похожим на полураскрытую ирисовую диафрагму. Прелесть был Кузька. Впрочем, на свежего человека он производил устрашающее впечатление. Хлебовводов на всякий случай что-то уронил и полез под стол, откуда пробормотал: "Я думал, собака какая-нибудь квакающая..."

- Кусается? - спросил Фарфуркис опасливо.

- Как можно! - сказал комендант. - Смирное животное, все его гонят, кому не лень. Конечно, если рассердится... Только он никогда не сердится.

Лавр Федотович принялся рассматривать птеродактиля в бинокль, вогнав его этим в окончательное смущение. Кузьма слабо квакнул и совсем спрятал голову в крылья.

- Грррм... - удовлетворенно произнес Лавр Федотович и отложил бинокль.

Обстановка складывалась благополучно.

- Я думал, это лошадь какая-нибудь, - бормотал Хлебовводов, ползая под столом.

- Разрешите мне Лавр Федотович, - попросил Фарфуркис. - Я вижу в этом деле определенные трудности. Если бы мы занимались рассмотрением необычных явлений, я без колебания поднял бы руку за немедленную рационализацию. Действительно, крокодил с крыльями - явление довольно необычное в наших климатических условиях. Однако, наша задача - рассмотреть необъясненные явления, и тут и я испытываю недоумение. Присутствуют ли в деле номер два элемент необъясненности? Если не присутствует, то почему мы должны это дело рассматривать? Если, напротив, присутствует, то в чем же, собственно состоит? Может быть, товарищ научный консультант имеет сказать по этому поводу?

Товарищ научный консультант имел, что сказать. На смешанном франко-русском жаргоне он поведал Тройке, что прическа Мари Брийон неизменно приводила в восхищение всех собиравшихся на рауты у барона де Водрейля, какового факта он, научный консультант, не может не признать; что необъясненность... эта... данного ля птеродактиль Кузьма лежит, значит в одной плоскости с его необычностью, о чем он, научный консультант, считает своим горьким, но почетным долгом напомнить товарищу Фарфуркису, что Платон был его, научного консультанта, другом, но науке, в лице его, научного консультанта, истина дороже, что крылатость крокодила или, наличие у некоторых крокодилов двух и более крыльев, до сих пор наукой не объяснены, а потому он, научный консультант, попросил бы вашего садовника показать ему те чудесные туберозы, о которых говорили в прошлую пятницу, что, наконец, он, научный консультант, не видит особенных причин откладывать рационализацию данного дела, но, с другой стороны, хотел бы оставить за собой право решительно протестовать против таковой.

Пока Выбегалло трепался, в поте лица отрабатывая свой многостотенный оклад денежного содержания, я торопливо составлял план предстоящей компании. Кузьма мне очень понравился, и мне было ясно одно: если мы сейчас не вмешаемся, Кузьке будет плохо.

- Грррм, - произнес Лавр Федотович, - есть вопросы к докладчику?

- У меня вопрос, - сказал Фарфуркис, который убедился, что Кузька не кусается, и сразу же обнаглел. - Но как я полагаю, что это обыкновенный крокодил с крыльями и больше ничего. Научный консультант наводит нам тут тень на плетень... И потом, я замечаю, что комендант развел в Колонии любимчиков и прикармливает их за государственный счет. Я не хочу, конечно сказать, что у него там семейственность или он, скажем, взятки у этого крокодила берет, но факт, по-моему, на лицо. Крокодил с крыльями - самая простая штука, возятся с ним, как с писанной торбой. Гнать его надо из Колонии, пусть работает идет.

- Как же работать? - сказал комендант, очень болевший за Кузьку.

- А так! У нас все работают! Вот он, здоровенный лоб какой сидит. Ему бы бревна на лесопилке подносить... Или пусть камень грузит. Может,

скажете, у него жилы слабые? Я этих крокодилов знаю, я их всяких повидал... И крылатых, и всяких...

- Как же так, - страдал комендант. - Он же все-таки не человек, он же все-таки животное. У него диета...

- Ничего, у нас животные тоже работают. Лошади, например. Пускай в лошади идет. Диета у него!.. У меня вон тоже диета, а я вот из-за него без обеда сижу... - однако Хлебовводов чувствовал, что заврался. Фарфуркис смотрел на него насмешливо, и поза Лавра Федотовича наводила на размышления. Учтя все эти обстоятельства, Хлебовводов сделал вдруг резкий поворот: - Пойдите! Пойдите! - заорал он. - Это какой же у нас Кузьма? Это не тот ли Кузьма, который лампочки жрал?... Ну, да, тот самый и есть! Это что-же, и меры, значит, к нему приняты не были? Ты, товарищ Зубо, не выкручивайтесь, ты мне прямо скажите: меры были приняты?

- Были, - сказал комендант с горячностью.

- Какие именно?

- Слабительное ему дали, - сказал комендант. Видно было, что за Кузьму он будет стоять насмерть.

Хлебовводов ударил кулаком по столу, и Кузьма от страха напустил лужу. Тут уж я разозлился и выкрикнул, обращаясь к Лавру Федотовичу, что это за издевательство над ценным научным экспонатом! Фарфуркис тоже заявил, что он протестует, что товарищ Хлебовводов опять пытается навязать Тройке несвойственные ей функции. Лавр же Федотович облизал у себя бледный указательный палец и резким движением перебросил у себя в бюваре несколько листов, что служило у него признаком сильнеешего раздражения. Надвигалась буря.

- Эдик, - прошептал я умоляюще.

Эдик, внимательно следивший за развитием событий, взял реморализатор навскидку и прицелился в Лавра Федотовича. Лавр Федотович поднялся и забрал себе голос. Он рассказал о задачах вверенной ему Тройки, вытекающих из ее возросшего авторитета и возросшей ее ответственности. Он предложил присутствующим развернуть еще более нетерпимую борьбу за повышение трудовой дисциплины, против бюрократизма и за высокий моральный уровень всех и каждого, за здоровую критику и здоровую самокритику, против обезлички, за укрепление противопожарной безопасности, против зазнайства, за личную ответственность каждого, за образцовое содержание отчетности и против недооценки собственных сил. Народ нам скажет спасибо, если мы свои задачи станем выполнять еще более активно, чем раньше. Народ нам не простит, если эти задачи мы не станем выполнять. Какие будут конкретные предложения по организации работы Тройки в связи с изменившимися условиями?

Хлебовводов по привычке размахнулся и предложил взять повышенные обязательства, например, чтобы в связи с возросшим авторитетом Тройки, комендант товарищ Зубо обязался бы увеличить свой рабочий день до четырнадцати часов, а научный консультант, товарищ Выбегалло, отказался бы от обеденного перерыва. Однако это партизанское решение не встретило энтузиазма. Напротив, оно встретило яростный отпор названных лиц. Отгремела короткая перепалка, в ходе которой выяснилось, что, между прочим, час обеденного перерыва давно наступил.

- Есть такое мнение, - заключил Лавр Федотович, - что пора перейти к отдыху и обеду. Заседание Тройки прерывается до восемнадцати ноль-ноль...

- Затем он в высшей степени благодушно обратился к коменданту. - А крокодила вашего, товарищ Зубо, мы возьмем и отдадим в зоопарк. Как полагаете?

- Эх! - сказал героический комендант. - Лавр Федотович! Товарищ Вунюков! Христом-богом, спасителем нашим... Нет же у нас в городе зоологического сада!

- Будет! - ответил Лавр Федотович и тут же демократически пошутил: - Простой сад у вас есть, детский тоже есть, а теперь и зоологический будет. Тройка троичу любит.

Взрыв предобеденного хохота побудил Кузьму еще раз сделать неприличность.

Лавр Федотович погрузил в портфель свои председательские принадлежности, поднялся из-за стола и степенно двинулся к выходу. Хлебовводов и Выбегалло, сбив с ног зазевавшегося Фарфуркиса, кинулись, отпихивая друг друга, открывать ему дверь.

- Бифштекс - это мясо, - благосклонно сообщил им Лавр Федотович.
- С кровью! - преданно закричал Хлебовводов.
- Ну, зачем же с кровью, - донесся голос Лавра Федотовича уже из приемной.

Мы с Эдиком распахнули все окна. С лестницы доносилось: "Нет уж, позвольте, Лавр Федотович... Бифштекс без крови, Лавр Федотович, это хуже, чем выпить и не закусить..." - "Наука полагает, что... эта... с лучком, значить..." - "Народ любит хорошее мясо, например, бифштекс..."

- В гроб они меня вгонят, - озабоченно сказал комендант. - Погибель они моя, мор, глад и семь казней египетских...

ДЕЛО N 15 И ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ

Вечернее заседание не состоялось, официально было объявлено, что Лавр Федотович, а также товарищ Хлебовводов и Выбегалло отравились за обедом грибами и врач рекомендовал им всем до утра полежать. Однако дотошный комендант не поверил официальной версии. Он при нас позвонил в гостиничный ресторан и переговорил со своим кумом, метрдотелем. И что же? Выяснилось: за обедом Лавр Федотович и профессор Выбегалло, выступая против товарища Хлебовводова в практической дискуссии относительно сравнительных преимуществ прожаренного бифштекса перед бифштексом с кровью, стремясь выяснить на деле, какое из этих состояний бифштекса наиболее любимо общественностью, а следовательно, перспективно, пили пльзеньское бархатное по четыре экспериментальных порции из фонда шеф-повара. Теперь им всем плохо. До утра, во всяком случае, на людях появиться не смогут.

Я ликовал, как школьник, у которого внезапно тяжело заболел учитель. Мы попрощались с ним, купили себе по стаканчику мороженого и возвратились к себе в гостиницу. Весь вечер мы просидели в номере, обсуждая свое положение. Эдик признался, что Крестобаль Хозевич был прав - Тройка оказалась более крепким орешком, нежели он предполагал. Разумная, рациональная сторона ее психики оказалась сверхъестественно консервативной и сверхупругой. Правда она поддавалась воздействию мощного реморализующего поля, но немедленно возвращалось в исходное состояние, как только поле выключалось. Я было предложил Эдику не выключать поле вовсе, но Эдик отверг это предложение. Запасы разумного, доброго, вечного были у Тройки весьма ограничены, и сколько -нибудь длительное воздействие реморализатора грозило истощить их до последней капли. Наше дело научить их думать: но они не учатся. Эти бывшие канализаторы разучились учиться. Впрочем, не все еще потеряно. Осталась еще эмоциональная сторона психики. Область чувств. Раз не удается разбудить в них разум, надо попытаться разбудить в них совесть. Именно этим, он, Эдик, намерен заняться на следующем же заседании.

Мы обсуждали этот вопрос до тех пор, пока к нам не ввалился возбужденный Клоп Говорун. Оказывается, он подал заявление, чтобы Тройка приняла его без всякой очереди и обсудило одно его предложение. Только что он от коменданта получил извещение и теперь вот заглянул узнать, будем ли мы присутствовать на завтрашнем утреннем заседании, которое обещает стать историческим. Завтра мы все поймем, завтра мы все узнаем, что он такое. Тогда благодарное человечество станет носить его на руках, и он нас не забудет. Он кричал, размахивая лапками, бегал по стенам и мешал Эдику сосредоточиться. Мне пришлось взять его за шиворот и вынести в коридор. Он не обиделся, он был выше этого. Завтра все разъяснится, пообещал он, спросил номер апартаментов Хлебовводова и удалился. Я лег спать, а Эдик, расстелив на столе лист бумаги, еще долго сидел над разобранным реморализатором.

Когда Говоруна вызвали, он появился в комнате заседаний не сразу. Было слышно, как он препирается в приемной с комендантом, требуя какого-то церемониала, какого-то повышенного пиетета, а также почетного караула. Эдик начал волноваться, и мне пришлось выйти в приемную и сказать клопу, чтобы он перестал ломаться, а то будет плохо.

- Но я требую, чтобы он сделал три шага мне навстречу, - кипятился Говорун. - Пусть нет караула, но какие-то элементарные правила должны же выполняться! Я же не требую, чтобы он встречал меня у дверей... Пусть

сделает три шага навстречу и обнажит голову!

- О ком ты говоришь? - спросил я, опешив.

- Как это о ком? Об этом, вашем... Кто там у вас главный? Вунюков?

- Балда, - прошипел я. - ты хочешь, чтобы тебя выслушали? Иди немедленно! В твоём распоряжении тридцать секунд!

И Говорун сдался. Бормоча что-то насчет нарушения всех и всяческих правил, он вошел в комнату заседаний, и, нахально, ни с кем не поздоровавшись, развалился на демонстрационном столе. Лавр Федотович с мутными и пожелтевшими после вчерашнего глазами, тотчас взял бинокль и стал Клопа рассматривать. Хлебовводов страдая от тухлой отрыжки, прорыл:

- Ну чего там с ним говорить? Ведь уже все говорено... Он нам только голову морочит...

- Минуточку, - сказал Фарфуркис, бодрый и розовый, как всегда. -

Гражданин Говорун, - обратился он к Клопу, - Тройка сочла возможным принять вас вне процедуры и выслушать ваше, как вы пишете, чрезвычайно важное заявление. Тройка предлагает вам быть по возможности кратким и не отнимать у нее драгоценное время. Что вы имеете заявить? Мы вас слушаем.

Несколько секунд Говорун выдерживал ораторскую паузу. Затем он с шумом подобрал под себя ноги, принял горделивую позу и, надув щеки, заговорил:

- История человеческого племени, - начал он, - хранит на своих страницах немало позорных свидетельств варварства и недомыслия. Грубый невежественный солдат заколол Архимеда. Вшивые попы сожгли Джордано Бруно. Оголтелые фанатики травили Чарльза Дарвина, Галилео Галилея. История клопов также сохранила упоминание о жертвах невежества и обскурантизма. Всем памяты великие мучения клопа-энциклопедиста Сапукла, указавшего нашим предкам, травоядным и древесным клопам, путь истинного прогресса и процветания. В забвении и нищете закончил свои дни Император, создатель теории групп крови, Рексофорб, решивший проблему плодовитости, Пульп, открывший анабиоз. Варварство и невежество обоих наших племен не могло не наложить, и действительно наложило, свой роковой отпечаток на взаимоотношения между нами. Втуне погибли идеи великого клопа-утописта Платуна, проповедовавшего идею симбиоза клопа и человека и видевшего будущность клопиного племени не на исконном пути паразитизма, а на светлых дорогах дружбы и взаимной помощи. Мы знаем случаи, когда человек предлагал клопам мир, защиту и покровительство, выступая под лозунгом: "Мы одной крови, вы и я", но жадные, вечно голодные клопиные массы игнорировали этот призыв, бессмысленно твердя: "Пили, пьем и будем пить". - Говорун залпом осушил стакан воды, облизнулся и продолжал, надсаживаясь, как на митинге: - сейчас мы впервые в истории наших племен стоим перед лицом ситуации, когда клоп предлагает человечеству мир, защиту и покровительство, требуя взамен только одного: признания. Впервые клоп нашел общий язык с человеком. Впервые клоп общается с человеком не в постели, а за столом переговоров. Впервые клоп взыскует не материальных благ, а духовного общения. Так неужели же на распутье истории, перед поворотом, поворотом, который вознесет оба племени на недостижимую высоту, мы будем топтаться в нерешительности, вновь идя на поводу у невежества и взаимоотноужденности, отвергая очевидное и отказываясь признать свершившееся чудо? Я, Клоп Говорун, единственный говорящий клоп во Вселенной, единственное звено понимания между нашими племенами, говорю вам от имени миллионов: - опомнитесь! Отбросьте предрассудки, растопчите косность, соберите в себе все доброе и разумное и открытыми и ясными глазами взгляните в глаза великой истине: Клоп Говорун есть личность исключительная, явление необъясненное и, быть может, даже необъяснимое!

Да, тщеславие этого насекомого способно поразить даже самое заскорузлое воображение. Я чувствовал, что добром это не кончится, и толкнул Эдика локтем, чтобы он был готов. Оставалась надежда на то, что состояние желудочной простуды, в котором пребывала большая и лучшая часть Тройки, помешает взрыву страстей.

Отсутствовал обожравшийся до постельного шока Выбегалло. Лавру Федотовичу было не до клопа, он бал бледен и обильно потел, Фарфуркис не знал, на что решиться, и с беспокойством поглядывал по сторонам. Я уже подумал, что все обошлось, как вдруг Хлебовводов произнес:

- "Пили, пьем и будем пить"... Это же он про кого? Это же он про нас, поганец! Кровь нашу! Кровушку! А? - он дико огляделся. - Да я же его

сейчас к ногтю!.. Ночью от них спасу нет, а теперь и днем! Мучители! - и он принялся яростно чесаться.

Говорун несколько испугался, но, однако, продолжал держаться с достоинством, впрочем, краем глаза он осторожно высматривал на всякий случай подходящую щель. По комнате распространялся крепчайший запах дорогого коньяка.

- Кровопийцы! - прохрипел Хлебовводов, вскочил и ринулся вперед. Сердце у меня замерло. Эдик схватил меня за руку - он тоже испугался. Говорун прямо-таки присел от ужаса. Но Хлебовводов, держась за живот, промчался мимо демонстрационного стола, распахнул дверь и исчез. Было слышно, как он грохочет каблуками по лестнице. Говорун вытер со лба холодный пот и обессиленно опустил усы.

- Грррм, - как-то жалобно произнес Лавр Федотович. - Кто еще просит слова?

- Позвольте мне, - сказал Фарфуркис. Я понял, что машина заработала. - Заявление гражданина Говоруна произвело на меня совершенно особенное впечатление. Я искренне и категорически возмущен. И дело здесь не только в том, что гражданин Говорун искаженно трактует историю человечества, как историю страдания отдельных выдающихся личностей. Я также готов оставить на совести оратора его абсолютно несамокритические высказывания относительно собственной особы. Но его предложение, его идея о союзе... Даже сама мысль о таком союзе, звучит на мой взгляд, оскорбительно и кощунственно. За кого вы нас принимаете, гражданин Говорун? Или, может быть, ваше оскорбление преднамеренно? Лично я склонен квалифицировать его как преднамеренное и более того, я сейчас посмотрел материалы предыдущего заседания по делу гражданина Говоруна, и с горечью убедился, что там отсутствуют, совершенно, на мой взгляд, необходимое частное определение по этому делу. Это, товарищи, наша ошибка, это, товарищи, наш просчет, который нам надлежит исправить, с наимозможнейшей быстротой. Что я имею в виду? Я имею в виду тот простой и очевидный акт, что в лице гражданина Говоруна мы имеем дело с типичным говорящим паразитом, то есть с праздношатающимся тунеядцем без определенных занятий, добывающим средства к жизни предосудительными путями, каковые вполне можно квалифицировать, как преступные...

В эту минуту на пороге появился измученный Хлебовводов. Проходя мимо Говоруна, он замахнулся на него кулаком, пробормотав: "У-у, собака бесхвостая, шестиногая!.." Говорун только втянул голову в плечи. Он понял, наконец, что его дело плохо. "Саша, - шептал мне Эдик в панике, - Саша, придумай что-нибудь... У меня здесь закоротило..." Я лихорадочно искал выход, а Фарфуркис тем временем продолжал:

- Оскорбление человечества, оскорбление ответственного органа, типичное тунеядство, место которому за решеткой - не слишком ли это много, товарищи? Не проявляем ли мы здесь мягкотелость, беззубость, либерализм буржуазный и гуманизм абстрактный? Я еще не знаю, что думают по этому поводу мои уважаемые коллеги, и я не знаю, какое решение будет принято по этому делу, однако как человек, по натуре не злой, хотя и принципиальный, я позволю себе обратиться к вам, гражданин Говорун, со словами предостережения. Тот факт, что вы, гражданин Говорун, научились говорить, вернее болтать по-русски, может, конечно, некоторое время служить сдерживающим фактором в нашем к вам отношении. Но берегитесь! Не натягивайте струны слишком туго!

- Задавить его, паразита! - прохрипел Хлебовводов. - Вот я его сейчас спичкой! - Он стал хлопать себя по карманам.

На Говоруне лица не было. На Эдике - тоже. Он судорожно копался в реморализаторе. А я все не мог найти выхода из возникшего тупика.

- Нет-нет, товарищ Хлебовводов, - безглаголиво морщась проговорил Фарфуркис, - я против незаконных действий. Что это за линчевание? Мы с вами не в Техасе. Необходимо все оформить по закону. Прежде всего, если не возражает Лавр Федотович, надлежит рационализировать гражданина Говоруна, как явление необъясненное и, следовательно находящееся в нашей компетенции...

При этих словах Говорун просиял. О, тщеславие!..

- Далее, - продолжил Фарфуркис, - нам надлежит квалифицировать рационализированное необъясненное, как вредное, и, следовательно, в процессе утилизации подлежащее списанию. Дальнейшая процедура предельно

проста, мы составляем акт примерно таким образом: акт о списании Клопа Говорящего, именуемого ниже Говоруном...

- Правильно! - прохрипел Хлебовводов. - Печатью его!..

- Это произвол!.. - слабо крикнул Говорун.

- Позвольте! - вскинулся Фарфуркис. - Что значит - произвол? Мы списываем вас согласно параграфу семьдесят четвертому Приложения о списывании остатков, где совершенно отчетливо говорится...

- Все равно произвол, - кричал Клоп. - Палачи! Жандармы...

И тут меня наконец осенило.

- Позвольте, - сказал я. - Лавр Федотович! Вмешайтесь, я прошу вас! Это же разбазаривание кадров!

- Грррм, - еле слышно произнес Лавр Федотович. Его так мутило, что ему было все равно.

- Вы слышите? - сказал я Фарфуркису. - И Лавр Федотович совершенно прав! Надо меньше придавать значение форме и пристальнее вглядываться в содержание. Наше оскорбленное чувство не имеет ничего общего с интересами народного хозяйства. Что за административная сентиментальность? Разве у вас здесь пансион благородных девиц? Или курсы повышения квалификации?... Да, гражданин Говорун позволил себе дерзость, позволил себе сомнительные параллели. Да, гражданин Говорун еще далек от совершенства, но разве это значит, что мы должны списать его за ненадобностью? Да вы что, товарищ Фарфуркис? Или вы, может быть, способны сейчас вытащить из кармана второго говорящего клопа? Может, среди ваших знакомых есть еще говорящие клопы? Откуда это барство, это чистоплюйство? "Мне не нравится Говорящий Клоп, давайте спишем Говорящего Клопа..." А вы, товарищ Хлебовводов? Да, я вижу, вы - сильно пострадавший от клопов человек. Сочувствую вашим переживаниям, но я спрашиваю: вы уже нашли средство борьбы с кровными паразитами? С этими пиратами постелей, с этими гангстерами народных снов, с этими вампирами заполненных гостиниц...

- Вот я и говорю, - сказал Хлебовводов, - задавить его без разговоров... А то акты какие-то.

- Не-ет, товарищ Хлебовводов! Не позволю, пользуясь болезнью научного консультанта, вводить здесь методы грубо-административные, вместо административно-научных. Не позволим вновь торжествовать волюнтаризму и субъективизму! Неужели вы не понимаете, что присутствующий здесь гражданин Говорун, являет собой единственную пока возможность начать работу среди этих остервенелых тунеядцев? Было время, когда некие доморощенные клопные таланты повернули клопов-вегетарианцев к их нынешнему отвратительному модус вивенди. Так неужели же наш современный, образованный, обогащенный всей мощью теории и практики, клоп не способен совершить обратного переворота? Снабженный тщательно составленными инструкциями, вооруженный новейшими достижениями педагогики, ощущая за собой поддержку всего прогрессивного человечества, разве не станет он архимедовым рычагом, с помощью коего мы окажемся способными повернуть историю клопов вспять, к лесам и травам, к лону природы, к чистому, простому и невинному существованию? Я прошу комиссию принять к сведению все эти соображения и тщательно их обдумать.

Я сел, Эдик, бледный от восторга, показал мне большой палец. Говорун стоял на коленях и, казалось, горячо молился. Что касается Тройки, то, пораженная моим красноречием, она безмолвствовала. Фарфуркис глядел на меня с радостным изумлением. Видно было, что он считает мою идею гениальной и сейчас лихорадочно обдумывает возможные пути захвата командных высот в этом новом, неслыханном мероприятии. Уже виделось ему, что он составляет обширную дальнейшую инструкцию, уже носились перед его мысленным взором бесчисленные планы, параграфы и приложения. Уже в воображении своем он консультировал Говоруна, организовывал курсы русского языка для особо одаренных клопов, назначался главой Государственного Комитета по распространению вегетарианства среди кровососущих, расширяющая деятельность охватит также комаров и мошку, мокреца и слепней, оводов и муху зубатку...

- Травяные клопы тоже, я вам скажу, не сахар... - проворчал консервативный Хлебовводов. Он уже сдался, но не хотел признаться в этом и цеплялся к частностям. Я выразительно пожал плечами.

- Товарищ Хлебовводов мыслит узко местными категориями, - возразил Фарфуркис, сразу вырываясь на полкорпуса вперед.

- Ничего не узко местными, - возразил Хлебовводов. - Очень даже широкими. Этими... как их... Воняют же! Но я понимаю, что это можно подработать в процессе. Я к тому, что можно ли на этого положиться... на стрекулиста... Несерьезный он какой-то... И заслуг за ним никаких не видно...

- Есть предложение, - сказал Эдик, - может быть, создать подкомиссию для изучения этого вопроса во главе с товарищем Фарфуркисом. Рабочим заместителем товарища Фарфуркиса я бы предложил товарища Привалова, человека незаинтересованного и объективного.

Тут Лавр Федотович вдруг поднялся. Простым глазом было видно, что он здорово сдал после вчерашнего. Обыкновенная человеческая слабость светилась сквозь обычно каменные черты его. Да, гранит дал трещину, бастион несколько подкосился. Но все-таки, несмотря ни на что, он стоял могуч и непреклонен.

- Народ... - произнес бастион, болезненно заводя глаза. - Народ не любит замыкаться в четырех стенах. Народу нужен простор. Народу нужны поля и реки. Народу нужен ветер и солнце...

- И луна! - добавил Хлебовводов, преданно глядя на бастион снизу вверх.

- И луна, - подтвердил Лавр Федотович. - Здоровье народа надо беречь, оно принадлежит народу. Народу нужна работа на открытом воздухе. Народу душно без открытого воздуха...

Мы еще ничего не понимали, даже Хлебовводов терялся в догадках, но пронизательный Фарфуркис уже собрал бумаги, упаковал записную книжку и что-то шептал коменданту. Комендант кивнул и почтительно осведомился:

- Народ любит ходить пешком или ездить на машине?

- Народ, - провозгласил Лавр Федотович, - предпочитает ездить в открытом автомобиле. Выражая общее мнение, предлагаю настоящее заседание перенести, а сейчас провести намеченное на вечер выездное заседание по соответствующим делам. Товарищ Зубо, обеспечьте, - с этими словами Лавр Федотович грузно опустился в кресло.

Все засуетились, комендант бросился подавать машину. Хлебовводов отпаивал Лавра Федотовича боржомом, а Фарфуркис забрался в сейф и принялся искать соответствующие дела. Я под шумок схватил Говоруна за ногу и выбросил его вон. Говорун не сопротивлялся: пережитое потрясло его и надолго выбило из колеи. Тем временем был подан автомобиль. Лавра Федотовича вывели под руки и бережно погрузили на сиденье. Хлебовводов, Фарфуркис и комендант, толкаясь и огрызаясь друг на друга, оккупировали заднее сиденье.

- А машина-то пятиместная, - озабоченно сказал Эдик. - Нас не возьмут.

Я ответил, что не вижу в этом ничего плохого. Я наболтался сегодня на целый месяц вперед. Безнадега все это. Спасли дурака Клопа, и ладно, и пошли купаться. Однако Эдик сказал, что не пойдет купаться. Он невидимо последует за автомобилем и проведет еще один сеанс - под открытым небом. В конце концов, это, может быть, даже лучше...

Вдруг в автомобиле поднялся крик, сцепились Фарфуркис с Хлебовводовым. Хлебовводов, которому от запаха бензина стало хуже, требовал немедленного движения вперед. При этом кричал, что народ любит быструю езду. Фарфуркис же чувствовал себя единственным в машине деловым человеком, ответственным за все, доказывал, что присутствие постороннего непроверенного шофера, превращает заседание в открытое, и что, кроме того, согласно инструкции, заседание в отсутствие научного консультанта проводиться не могут, а если и проводятся, то в дальнейшем признаются недействительными.

"Затруднение? - осведомился Лавр Федотович слегка окрепшим голосом. - Товарищ Фарфуркис, устраните." Ободренный Фарфуркис с азартом принялся устранять. И не успел я глазом моргнуть, как меня кооптировали в качестве ВРИО научного консультанта, шофер был отпущен, а я сидел на его месте. "Давай, давай, - шептал мне на ухо невидимый Эдик. - Ты мне еще, может быть, поможешь..." Я нервничал и озирался, вокруг машины собралась толпа. Одно дело - со всей этой компанией в помещении, и совсем другое - выставляться на всеобщее обозрение.

- Ехать бы, - умирал Хлебовводов.

- Грррм, - сказал Лавр Федотович. - Предложение ехать. Другие

предложения есть?... Шофер, поезжайте.

Я завел двигатель и стал осторожно разворачиваться, пробираясь сквозь толпу ребятишек.

Первое время Фарфуркис страшно надоедал мне советами. То он советовал мне остановиться там, где остановка была запрещена, то советовал мне не гнать и напоминать мне о ценности жизни Лавра Федотовича, то он требовал, чтобы я ехал быстрее, потому что встречный ветер недостаточно энергично обвевал чело Лавра Федотовича, то он требовал, чтобы я не обращал внимания на сигналы светофоров, ибо это подрывает авторитет Тройки... Однако, когда мы миновали белые Тъмускорпионские Черемушки и выехали за город, когда перед нами открылись зеленые луга, а вдали засинело озеро, когда машина запрыгала по щебенке с гребенкой, в машине наступила умиротворенная тишина. Все подставились свежему ветру, все щурились на солнце, всем было хорошо. Лавр Федотович закурил первую сегодня "Герцеговину Флор", Хлебовводов тихонько затянул какую-то ямщицкую песню, комендант подремывал, прижимая к груди папку с делами, и только Фарфуркис после короткой борьбы нашел в себе силы справиться с изнеженностью. Развернув карту Тъмускорпиони с окрестностями, он деятельно наметил маршрут, который, впрочем, оказался никуда не годным, потому что Фарфуркис забыл, что у нас автомобиль, а не вертолет. Я предложил ему свой вариант: озеро - болото - холм. На озере мы должны были рассмотреть дело плезиозавра, на болоте рационализировать и утилизировать имеющееся там уханье, на холме нам предстояло обследовать так называемое заколдованное место. Фарфуркис, к моему удивлению не возражал. Выяснилось, что он полностью доверяет моей водительской интуиции, более того, он был всегда высокого мнения о моих способностях, ему очень приятно будет и работать со мной в клопиной подкомиссии, он давно меня держит на примете, он вообще всегда держит на примете нашу чудесную, талантливую молодежь. Он сердцем всегда с молодежью, но он не закрывает глаза на ее существенные недостатки. Нынешняя молодежь мало борется, мало уделяет внимания борьбе, нет у нее стремления бороться дальше, больше, бороться за то, чтобы борьба по-настоящему стала главной, первоочередной задачей всей борьбы, а ведь если она, наша чудесная, талантливая молодежь, и дальше будет так мало бороться, то в этой борьбе у нее останется мало шансов стать настоящей борющейся молодежью, всегда занятой борьбой за то, чтобы стать настоящим борцом, который борется за то, чтобы его борьба...

Плезиозавра мы увидели еще издали - нечто похожее на ручку от зонтика торчало из воды в двух километрах от берега. Я подвел машину к пляжу и остановился. Фарфуркис все еще боролся с грамматикой во имя борьбы за борющуюся молодежь, а Хлебовводов уже стремительно выбросился из машины и распахнул дверцу рядом с Лавром Федотовичем. Однако Лавр Федотович выходить не пожелал, он благосклонно посмотрел на Хлебовводова и сообщил, что в озере - вода, что заседание выездной сессии Тройки он объявляет открытым, и что слово предоставляется товарищу Зубо.

Комиссия расположилась на травке, рядом с автомобилем, настроение у всех было какое-то нерабочее. Фарфуркис расстегнулся, я вообще снял рубашку, чтобы не терять случая позагорать. Комендант, поминутно нарушая инструкцию, принялся отбарабанивать анкету плезиозавра по кличке Лизавета, никто его не слушал. Лавр Федотович задумчиво разглядывал озеро перед собой, словно прикидывая, нужно ли оно народу, а Хлебовводов, как он работал председателем колхоза имени театра Музкомедии и получал по пятнадцать поросят от свиноматки. В двенадцати шагах от нас шелестели осы, на дальних лугах бродили коровы, и уклон в сельскохозяйственную тематику представлялся весьма извинительным.

Когда комендант зачитал краткую сущность плезиозавра, Хлебовводов сделал ценное замечание, что ящур - опасная болезнь скота, и можно только удивляться, что здесь он плавает на свободе. Некоторое время мы с Фарфуркисом лениво втолковывали ему, что ящур - это одно, а ящер это совсем другое. Хлебовводов, однако, стоял на своем, ссылаясь на журнал "Огонек", где совершенно точно и неоднократно упоминался какой-то ископаемый ящер. "Вы меня не собьете, - говорил он. - Я человек начитанный, хотя и без высшего образования". Фарфуркис, не чувствуя себя достаточно компетентным, отступился, я же продолжал спорить, пока Хлебовводов не предложил позвать сюда плезиозавра и спросить его самого. "Он говорить не умеет", - сообщил комендант, присевший с нами на корточки.

"Ничего, разберемся, - возразил Хлебовводов. - Все равно же полагается его вызвать, так хоть польза какая-то будет."

- Грррм, - сказал Лавр Федотович. - Вопросы к докладчику будут? Нет вопросов? Вызовите дело, товарищ Зубо.

Комендант вскочил и заметался по берегу. Сначала он сорванным голосом кричал: "Лизка! Лизка!" Но поскольку плезиозавр, видимо, ничего не слышал, комендант сорвал с себя пиджак и принялся им размахивать, как потерпевший кораблекрушение при виде паруса на горизонте. Лизка не подавала никаких признаков жизни. "Спит, - с отчаянием сказал комендант. - Наглotalась окуней и спит..." Он еще побегал и помахал, а потом попросил меня погудеть. Я принялся гудеть. Лавр Федотович, высунувшись через борт, глядел на плезиозавра в бинокль. Я гудел минуты две, а потом сказал, что хватит, что нечего аккумуляторы подсаживать - дело казалось мне безнадежным.

- Товарищ Зубо, - не опуская бинокль, произнес Лавр Федотович, - почему вызванный не реагирует?

Комендант побледнел и не нашелся, что сказать.

- Хромает у вас в хозяйстве дисциплина, - подал голос Хлебовводов. - Подраспустили подчиненных.

Комендант рванул на себе рубашку и разинул рот.

- Ситуация чревата подрывом авторитета, - сокрушенно заявил Фарфуркис. - Спать нужно ночью, а днем нужно работать.

Комендант в отчаянии принялся раздеваться.

Действительно, иного выхода у него не было. Я спросил коменданта, умеет ли он плавать. Выяснилось, что нет, не умеет, но ему все равно. "Ничего, - кровожадно сказал Хлебовводов, - на дутом авторитете выплывет." Я осторожно высказал сомнение в целесообразности предпринимаемых действий. Комендант несомненно утонет, и есть ли необходимость в том, чтобы Тройка брала на себя несвойственные ей функции, подменять собой станции спасения на водах. Кроме того, например, в случае утонутя коменданта задача все равно останется невыполненной, и логика событий подсказывает, что плыть придется либо Фарфуркису, либо Хлебовводову. Фарфуркис возразил, что вызов дела является функциональной прерогативой представителя местной администрации, а за отсутствием такового - функцией научного консультанта, так что мои слова рассматривают, как выпад, как попытка свалить с больной головы на здоровую. Я заявил, что в данном случае, я являюсь не столько научным консультантом, сколько водителем казенного автомобиля, от которого не имею права удаляться далее, чем на несколько шагов. "Вам следовало бы знать приложение к Правилам движения по улицам и дорогам, - сказал я укоризненно, ничем не рискуя, - параграф двадцать первый." Наступило тягостное молчание, черная ручка от зонтика по-прежнему маячила на горизонте. Все с трепетом следили, как медленно, словно трехствольная орудийная башня линейного корабля, поворачивается голова Лавра Федотовича. Все мы находились на одном плацу, и никому из нас не хотелось залпа.

- Господом нашим... - не выдержал комендант, стоя на коленях в одном белье. - Спасителем Иисусом Христом... Не боюсь я плыть, и тонуть не боюсь!.. Но ей то что, Лизке-то... Глотка у ей, что твое метро! Она не меня, она корову может сглотнуть, как семечку! Спросонья-то...

- В конце концов, - несколько нервничая, произнес Фарфуркис, - зачем ее звать? В конце концов и отсюда видно, что никакого интереса она не представляет. Я предлагаю ее рационализировать и за ненадобностью списать...

- Списать ее, заразу! - радостно подхватил Хлебовводов. - Корову она может сглотнуть, подумаешь! Тоже мне, сенсация! Корову и я могу сглотнуть, а ты вот от этой коровы добейся... пятнадцать поросят, понимаешь, добейся, вот это работа!

Лавр Федотович, наконец, развернул главный калибр. Однако, вместо орды враждующих индивидуумов, вместо гнезда кипения противоречивых страстей, вместо недисциплинированных, подрывающих авторитет Тройки пауков в банке, он обнаружил в поле зрения прицела сплоченный рабочий коллектив, исполненный стремления: списать заразу Лизку и перейти к следующему вопросу. Залпа не последовало. Орудийная башня развернулась в противоположном направлении и чудовищные жерла отыскивали на горизонте ничего не подозревающую ручку от зонтика.

- Народ, - донеслось из боковой рубки, - народ смотрит вдаль. Эти

плезиозавры народу...

- Не нужны! - выпалил Хлебовводов из малого калибра и промазал.

Выяснилось, что эти плезиозавры нужны народу позарез, что отдельные члены Тройки утратили чувство перспективы, что отдельные коменданты, видимо, забыли, чей хлеб они едят, что отдельные представители нашей славной интеллигенции обнаруживают склонность смотреть на мир через черное стекло и что, наконец, дело номер восемь впредь до выяснения должно быть отложено и пересмотрено в один из зимних месяцев, когда до него можно будет добраться по льду. Других предложений не было, вопросов к докладчику - тем более. На том и порешили.

- Перейдем к следующему вопросу, - объявил Лавр Федотович, и действительные члены Тройки, толкаясь, устремились к заднему сиденью. Комендант торопливо одевался, бормоча: "Я же тебе это припомню... Лучшие же куски давал... Как дочь родную... Скотина водоплавающая..."

Затем мы двинулись дальше по проселочной дороге, бегущей вдоль берега озера. Дорога была страшенькая, и я возносил хвалу небесам, что лето стоит сухое, иначе бы нам тут и конец. Однако хвалил я небеса преждевременно, потому что по мере продвижения к болоту, дорога все чаще обнаруживала тенденции к исчезновению и превращению в две заросшие осокой рытвины. Я врубил демультипликатор и прикидывал физические возможности своих спутников. Было совершенно ясно, что от толстого дряблого Фарфуркиса проку будет мало. Хлебовводов выглядел мужиком жилистым, но мне неизвестно было, оправился ли он в достаточной степени после желудочного удара. Лавр Федотович вряд ли даже вылезет из машины. Так что действовать в случае чего мне придется с комендантом, потому что Эдик не станет себя, наверное, обнаруживать, ради только того, чтобы вытолкнуть из грязи девяносткилограммовую машину.

Пессимистические размышления мои были прерваны появлением впереди гигантской черной лужи. Это не было патриархальной, буколической лужей типа миргородской, всеми изъезженной, и ко всему притерпевшейся. Это не была, также мутная глинистая урбаническая лужа, лениво и злорадно развалившаяся среди неубранных куч строительного мусора. Это было спокойное и хладнокровное, зловещее в своем спокойствии, мрачное образование, небрежно втиснувшееся между двумя рядами хилой осиновой поросли, загадочное, как глаз сфинкса, коварное, как царица Тамара, наводящее на кошмарную мысль о бездне, забитой затонувшими грузовиками. Я резко затормозил и сказал:

- Все, приехали.

- Грррм, - произнес Лавр Федотович. - Товарищ Зубо, доложите дело.

В наступившей тишине было слышно, как колеблется комендант. До болота было еще довольно далеко, но комендант тоже видел лужу и тоже не видел выхода, он покорно вздохнул и зашелестел бумагами.

- Дело номер тридцать восемь, - прочитал он. - Фамилия: прочерк. Имя: прочерк. Отчество: прочерк. Название: Коровье вязло.

- Минуточку! - прервал его Фарфуркис тревожно. - Слушайте!

Он поднял палец и застыл.

Мы прислушались и услышали. Где-то далеко далеко победно запели серебряные трубы. Множественный звук этот пульсировал, нарастал и словно приближался. Кровь застыла у нас в жилах. Это трубили комары, и притом не все, а пока только командиры рот, или даже командиры батальонов и выше. И таинственно, внутренним взором, попавшего в ловушку мы увидели вокруг себя гектары топкой грязи, поросшей редкой осокой, покрытой слежавшимися слоями прелых листьев, с торчащими сучьями, и все это под сенью болезненно тощих осин, и на всех этих гектарах, на каждом квадратном сантиметре - ряды поджарых рыжеволосых каннибалов, лютых, изголодавшихся, самоотверженных.

- Лавр Федотович! - пролепетал Хлебовводов. - Комары!

- Есть предложение! - нервно закричал Фарфуркис, - отложить рассмотрение данного дела до октября... нет, до декабря месяца!

- Грррм, - произнес Лавр Федотович, - общественности не ясно...

Воздух вокруг нас вдруг наполнился комариным роем. Хлебовводов взвизгнул и ударил себя по физиономии. Лавр Федотович начал медленно и с изумлением отворачиваться. И тут совершилось невозможное - огромный рыжий пират четко, как на смотру, пал Лавру Федотовичу на чело и сходу, не примериваясь, вонзил в него шпагу по самые глаза. Лавр Федотович отшатнулся. Он был потрясен, он не понимал, он не верил. И началось.

Мотая головой, как лошадь, отмахиваясь локтями, я принялся разворачивать автомобиль на узком пространстве между зарослями осинника. Справа от меня возмущенно рычал и ворочался Лавр Федотович, а с заднего сиденья доносилась буря аплодисментов, словно разгоряченная компания уланов или гусар предавалась взаимооскорблениям действием. К тому моменту, когда я уже закончил разворот, я уже распух. У меня было такое ощущение, что уши мои превратились в горячие оладьи, щеки в караваи, а на лбу вззошли многочисленные рога. "Вперед! - кричали на меня со всех сторон. - Назад! Газу! Да подтолкните же его! Я вас под суд отдам, товарищ Привалов!" Двигатель ревел, ключья грязи летели со всех сторон, машина прыгала, как кенгуру, но скорость была мала, отвратительно мала, а на встречу нам с бесчисленных аэродромов снимались все новые и новые эскадрильи, эскадры, армады. Преимущество противника в воздухе было абсолютным. Все, кроме меня, остервенело занимались самокритикой, переходящей в самоистязание. Я же не мог оторвать рук от баранки, и не мог даже отбиваться ногами, у меня оставалась свободной только одна нога, и я ею бешено чесал все, до чего мог дотянуться. Потом, наконец, мы вырвались из зарослей осинника обратно на берег озера. Дорога сделалась получше и шла в гору. В лицо мне ударил тугой ветер. Я остановил машину. Я перевел дух и стал чесаться. Я чесался с упоением, я никак не мог перестать, а когда все-таки перестал, то обнаружил, что Тройка доедает коменданта. Комендант был обвинен в подготовке и осуществлении террористического акта. Ему предъявили счет за каждую выпитую из членов Тройки каплю крови, и он оплачивал этот счет сполна. То, что осталось от коменданта к моменту, когда я вновь обрел способность видеть, слышать и думать, не могло уже, собственно называться комендантом, как таковым: две-три обглоданных кости, опустошенный взгляд и слабое бормотание: "Господом богом... Иисусом, Спасителем нашим..."

- Товарищ Зубо, - произнес, наконец, Лавр Федотович, - почему вы прекратили зачитывать дело? Продолжайте докладывать.

Комендант принялся трясущимися руками собирать по машине разбросанные листки.

- Зачитайте непосредственно краткую сущность необъясненности, - приказал Лавр Федотович.

Комендант, всхлипнув в последний раз, прерывающимся голосом прочел:

- Обширное болото, из которого время от времени доносятся ухающие и ахающие звуки.

- Ну? - сказал Хлебовводов. - Что дальше?

- Дальше ничего. Все.

- Как-так-все? - плачущим голосом взвыл Хлебовводов. - Убили меня!

Зарезали! Ради чего? Звуки ахающие... Зачем нас сюда привез, террорист? Ты это нас ухающие звуки слушать привез? За что же мы кровь проливали? Ты посмотри на меня, как я теперь в гостинице появлюсь? Ты же мой авторитет на всю жизнь подорвал! Я же тебя сгною, сгною так, что от тебя уханья не останется!

- Грррм, - сказал Лавр Федотович и Хлебовводов замолчал.

- Есть предложение, - продолжал Лавр Федотович, - ввиду представления собой дело номер тридцать восемь под названием "Коровье Вязло" исключительной опасности для народа, подвергнуть данное дело высшей мере рационализации, а именно признать названное необъясненное явление иррациональным, трансцендентным, а следовательно реально не существующим, и как таковое исключить навсегда из памяти народа, то есть из географических и топографических карт.

Хлебовводов и Фарфуркис бешено захлопали в ладоши. Лавр Федотович извлек из-под сиденья свой гигантский портфель, и положил его плашмя себе на колени.

- Акт! - воззвал он.

На портфель лег акт о высшей мере.

- Подписи!

На акт пали подписи.

- Печать!!!

Лязгнула дверца сейфа, волной накатила канцелярская затхлость, и перед Лавром Федотовичем возникла Большая Круглая Печать. Лавр Федотович взял ее обеими руками, занес над актом и с силой опустил. Мрачная тень прошла по небу, автомобиль слегка просел на рессорах. Лавр Федотович убрал портфель под сиденье и продолжал:

- Коменданту колонии товарищу Зубо за безответственность содержания в колонии иррационального, трансцендентного, а следовательно - реально не существующего болота "Коровье Вязло", за необеспечение безопасности работы Тройки, а также за проявленный при этом героизм, объявить благодарность с занесением. Есть еще предложения?... Следующий? Что у нас еще, товарищ Зубо?

- Заколдованное место, - сказал воспрянувший комендант. - Недалеко отсюда, километров пять.

- Комары? - осведомился Лавр Федотович.

- Христом-богом... - истово сказал комендант. - Спасителем нашим...

Нету их там... Муравьи разве что...

- Хорошо, - констатировал Лавр Федотович. - Осы, пчелы? - продолжал он, обнаруживая высокую прозорливость и неусыпную заботу о народе.

- Ни боже мой, - сказал комендант.

Лавр Федотович долго молчал.

- Бешеные быки? - спросил он наконец.

Комендант заверил его, что ни о каких быках в этих окрестностях не может быть и речи.

- А волки? - спросил Хлебовводов подозрительно.

В окрестностях не было ни волков, ни медведей, о которых вовремя вспомнил Фарфуркис. Пока они упражнялись в зоологии, я рассматривал карту, выискивая кратчайшую дорогу к заколдованному месту. Высшая мера уже оказала свое действие. На карте была Тъмускорпионь, была река Скорпионка, было озеро Звериное, были какие-то Лопухи, болота же "Коровье Вязло", которое распространялось раньше между озером Звериным и Лопухами, больше не было. Вместо него на карте имело место анонимное белое пятно, какое можно видеть на старых картах на месте Антарктики. Мне было дано указание продолжать движение, и мы поехали. Мы миновали овсы, пробрались сквозь заросли кустарника, обогнули рощу Круглую, форсировали ручей Студеный, и через полчаса оказались перед местом заколдованным.

Это был холм. С одной стороны он порос лесом. Вероятно, здесь кругом стоял сплошной лес, вплоть до самого Китежграда. Но его свели, и осталось только то, что осталось. Виднелась почерневшая избушка, по склону перед нами бродили коровы, у крыльца копались в земле куры, а на крыше стояла коза.

- Что же вы остановились? - спросил Фарфуркис. - Надо же подъехать, не пешком же нам...

- И молоко у них, по всему видать, есть... - добавил Хлебовводов. - Я бы молочка сейчас выпил. Когда, понимаешь, грибами отравишься, очень полезно молока выпить. Ехай, ехай, чего стали!

Комендант попытался объяснить им, что подъехать к холму ближе невозможно, но объяснения его были встречены таким ледяным изумлением Лавра Федотовича, разразившегося мыслью о целебных свойствах парного молока, такими стенаниями Фарфуркиса: "Сметана! С погреба!", что он не стал спорить. Честно говоря, я его тоже не понял, но мне стало любопытно. Я включил двигатель, и машина весело покатила к холму. Спидометр принялся отсчитывать километры, шины шуршали по колючей траве, Лавр Федотович неукоснительно смотрел вперед, а заднее сидение в предвкушении молока и сметаны затеяло спор - чем на болотах питаются комары. Хлебовводов вынес из личного опыта суждение, что комары питаются, исключительно ответственными работниками, совершающими инспекционные поездки. Фарфуркис, выдавая желаемое за действительное, уверял, что комары живут самоедством. Комендант же кротко, но настойчиво, лепетал о божественном, о какой-то божьей росе и о жареных акридах. Так мы ехали минут двадцать. Когда спидометр показал, что пройдено пятнадцать километров, Хлебовводов спохватился:

- Что же это получается? - сказал он. - Едем, едем, а холм где стоял, там и стоит. Поднажмите, товарищ водитель, что же это вы, браток?

- Не доехать нам до холма, - кротко сказал комендант. - Он же заколдованный, до него и не дойти... Только бензин даром сожжем.

После этого все замолчали, и на спидометр намоталось еще семь километров. Холм по-прежнему не приближался ни на метр. Коровы, привлеченные шумом мотора, сначала некоторое время глядели в нашу сторону, затем потеряли к нам интерес и снова уткнулись в траву. На заднем сиденье нарастало возмущение. Хлебовводов и Фарфуркис обменивались негромкими

замечаниями, деловитыми и зловещими. "Вредительство", - говорил Хлебовводов. "Саботаж, - возражал Фарфуркис, - но злостный". Потом они перешли на шепот, и до меня донеслось только: "На колодках... ну да, колеса крутятся, а машина стоит. Комендант?... Может быть, и ВРИО консультанта... Бензин... Подрыв экономики... Потом машину спишут с большим пробегом, а она - новенькая..." Я не обращал внимания на этих зловещих попугаев, но потом вдруг хлопнула дверца, и ужасным, стремительно удаляющимся голосом заорал Хлебовводов. Я изо всех сил нажал на тормоз. Лавр Федотович, продолжая движение, с деревянным стуком, не меняя осанки, влип в ветровое стекло. У меня в глазах потемнело от удара, и металлические зубы Фарфуркиса лязгнули над моим ухом. Машину занесло. Когда пыль рассеялась, я увидел далеко позади товарища Хлебовводова, который все еще катился вслед за нами, размахивая конечностями.

- Затруднение? - осведомился Лавр Федотович обыкновенным голосом. Кажется, он даже не заметил удара. - Товарищ Хлебовводов, устраните.

Мы устраняли затруднение довольно долго. Пришлось сходить за Хлебовводовым, который лежал в метрах тридцати позади, ободранный, с лопнувшими брюками и очень удивленный. Выяснилось, что он заподозрил нас с комендантом в заговоре, будто мы незаметно поставили машину на колодки и гоним с корыстными целями километраж. Движимый чувством долга он решил сойти на дорогу и вывести нас на чистую воду, заглянув под машину. Теперь он был буквально поражен тем, что это ему не удалось. Мы с комендантом приволокли его к машине, положили его так, чтобы он самолично убедился в своем заблуждении, а сами отправились на помощь Фарфуркису, который искал и никак не мог найти очки и верхнюю челюсть. Фарфуркис искал их в машине, но комендант нашел их далеко впереди.

Недоразумение было полностью устранено, возражения Хлебовводова оказались довольно поверхностными, и Лавр Федотович, только теперь осознав, что нет, не будет, и быть не может целебного парного молока, внес предложение не тратить бензин, принадлежащий народу, а приступить к своим прямым обязанностям.

- Товарищ Зубо, - произнес он, - доложите дело.

У дела номер двадцать девять фамилии, имени и отчества, как и следовало ожидать, не оказалось. Оказалось только условное наименование - "Заколдун". Год рождения его терялся в глубине веков, место рождения определялось с точностью до минуты дуги. По национальности заколдун был русский, образования не имел, иностранных языков не ведал, профессия у него была холм. Место работы в данное время опять же определялось упомянутыми выше координатами. За границей заколдун сроду не был, ближайшим родственником его была мать-сыра земля, адрес же постоянного места жительства определялся все теми же координатами и с той же точностью, что же касается краткой сущности необъясненности, то Выбегалло, не мудрствуя лукаво выразил ее предельно кратко: "Во-первых, не проехать, во-вторых, не пройти".

Комендант сиял. Дело уверенно шло на рационализацию. Хлебовводов был доволен анкетой. Фарфуркис восхищался необъясненностью, ничем не угрожающей народу, и Лавр Федотович, по-видимому, тоже не возражал. Во всяком случае он доверительно сообщил нам, что народу нужен холм, а так же равнины, овраги, буераки, эльбрусы и казбеки.

Но тут дверь избушки растворилась, и на крыльцо выбрался, опираясь на палочку, старичок в длинной подпоясанной рубаше до колен. Он потоптался на пороге, посмотрел из-под руки на солнце, махнул рукой на козу, чтобы слезла с крыши и уселся на ступеньку.

- Свидетель! - сказал Фарфуркис. - А не вызвать ли нам свидетеля?

- Так что же, свидетель... - упавшим голосом сказал комендант. - Разве чего не ясно? Ежели вопросы есть, то я могу...

- Нет! - сказал Фарфуркис, с подозрением глядя на него. - Нет, зачем же вы, вы вот где живете, а он здешний.

- Вызвать, вызвать! - сказал Хлебовводов. - Пусть молока принесет.

- Грррм, - сказал Лавр Федотович. - Вызовите свидетеля по делу номер двадцать девять.

- Эх! - воскликнул комендант, ударив шляпой в землю. Дело рушилось на глазах. - Да если бы он мог сюда прийти, он бы разве там сидел? Он там, можно сказать, в заключении! Не выйти ему оттуда, он там застрял, так он там и останется.

В полном отчаянии, под пристальными, подозрительными взглядами Тройки, предчувствуя неприятности и ставший от этого необычно словоохотливым, комендант поведал нам сказание о заколдунском леснике Феофиле. Как он жил себе не тужил в своей сторожке с женой, молодой тогда еще совсем был, здоровенный. Ударила однажды в холм зеленая молния, и начались страшные происшествия. Жена Феофилова как раз в город уходила, вернулась - не может взойти на холм, до дома добраться. И Феофил к ней рвался. Двое суток к ней без передышки с холма бежал - нет не добежать. Так он там и остался. Он там, жена здесь... Потом, конечно, успокоился, жить-то надо. Так до сих пор и живет, ничего, привык...

Выслушав эту страшную историю и задав несколько каверзных вопросов, Хлебовводов вдруг сделал открытие: переписи Феофил избежал, воспитательной работе не подвергался и вполне возможно, что остался кулаком мироедом.

- Две коровы у него, - говорил Хлебовводов, - и теленок вот. И коза. А налогов не платит... - глаза его расширились. - Раз теленок есть, значит, и бык у него где-то спрятан!

- Есть бык, это точно, - уныло признался комендант. - Он у него, верно, на той стороне пасется...

- Ну, браток, и порядочки у тебя, - зловеще сказал Хлебовводов. - Знал я, чувствовал я, что ты хапуга ты и очковтиратель, но такого даже от тебя не ожидал. Чтобы ты - подкулачник, чтобы ты кулака покрывал, мироеда...

Комендант набрал в грудь побольше воздуха и заныл:

- Святой девай Марией, двенадцатью первоапостолами...

- Внимание! - прошептал невидимый Эдик.

Лесник Феофил вдруг поднял голову и, прикрываясь от солнца ладонью, посмотрел в нашу сторону. Затем он встал, отбросил клюку, начал неторопливо спускаться с холма, оскальзываясь в высокой траве. Белая, грязная коза следовала за ним, как собачка. Феофил подошел к нам, сел, подпер костлявой коричневой рукой подбородок, коза села рядом, уставилась на нас желтыми бессовестными глазами.

- Люди, как люди, - сказал Феофил. - Удивительно...

Коза обвела нас взглядом и выбрала Хлебовводова.

- Это вот Хлебовводов, - сказала она. - Рудольф Архипович. Родился в девятьсот десятом, в Хохломе, имя родители почерпнули из великосветского романа, по образованию - школьник седьмого класса, происхождения родителей стыдится, иностранных языков изучал много, но не знает ни одного...

- Иес, - подтвердил Хлебовводов, стыдливо хихикая. - Натюрлих, яволь!

- ...профессии, как таковой, не имеет. В настоящее время - руководитель-общественник. За границей был: в Италии, во Франции, в обеих Германиях, в Венгрии, в Англии... и так далее, всего в сорока двух странах. Везде хвастался и хапал. Отличительная черта характера - высокая социальная живучесть и приспособляемость, основанная на принципиальной глупости и на стремлении быть ортодоксальнее ортодоксов.

- Так, - сказал Феофил, - можете что-нибудь к этому прибавить, Рудольф Архипович?

- Никак нет! - весело сказал Хлебовводов. - Разве что вот... орто... доро... ортоксальный... Не совсем ясно!

- Быть ортодоксальнее ортодоксов означает примерно следующее, - сказала коза. - Если начальство недовольно каким-нибудь ученым, вы объявляете себя врагом науки вообще, если начальство недовольно каким-нибудь иностранцем, вы готовы объявить войну всему, что за кордоном.

- Так точно, - сказал Хлебовводов, - иначе невозможно образование у нас больно маленькое, иначе того и гляди - промахнешься.

- Крал? - небрежно спросил Феофил.

- Нет, - сказала коза. - Подбирал, что с возу упало.

- Убивал?

- Ну что вы! - засмеялась коза. - Лично - никогда.

- Расскажите что-нибудь, - попросил Хлебовводова Феофил.

- Ошибки были, - быстро сказал Хлебовводов. - Люди не ангелы. И на старуху бывает проруха. Конь на четырех ногах, и то спотыкается. Кто не ошибается, тот не ест... то есть, не работает...

- Понял, понял, - сказал Феофил. - Будете еще ошибаться?

- Ни-ког-да! - свято сказал Хлебовводов.

- Благодарю вас, - сказал Феофил. Он посмотрел на Фарфуркиса. - А

этот приятный мужчина?

- Это Фарфуркис, - сказала коза. - По имени и отчеству никогда и никем называем не был. Родился в девятьсот шестнадцатом, в Таганроге, образование высшее, юридическое, читает по-английски со словарем. По профессии - лектор, имеет степень кандидата исторических наук. За границей не был и не рвется. Отличительная черта характера - осторожность и предупредительность, иногда сопряженная с риском навлечь на себя недовольство начальства, но всегда рассчитанная на благодарность от начальства впоследствии...

- Это не совсем так, - мягко возразил Фарфуркис. - Вы несколько подменяете термины. Осторожность и предупредительность являются чертой моего характера безотносительно к начальству, я таков от природы, это у меня в хромосомах. Что же касается начальства, то такова уж моя обязанность - указывать вышестоящим товарищам юридические рамки их компетенции.

- А если он выходит за эти рамки? - спросил Феофил.

- Видите ли, - сказал Фарфуркис, - чувствуется, что вы не юрист. Нет ничего более гибкого и уступчивого, нежели юридические рамки. Их можно указать, но их нельзя перейти.

- Как вы насчет лжесвидетельствования? - спросил Феофил.

- Боюсь, что этот термин несколько устарел, - сказал Фарфуркис, - мы им не пользуемся.

- Как у него насчет лжесвидетельствования? - спросил Феофил козу.

- Никогда, - сказала коза, - он всегда свято верит в то, о чем свидетельствует.

- Действительно, что такое ложь? - спросил Фарфуркис. - Ложь - это отрицание или искажение факта. Но что есть факт? Можно ли вообще в условиях нашей, невероятно усложнившейся действительности говорить о факте? Факт есть явление или деяние, засвидетельствованное очевидцами, однако очевидно, что свидетели могут быть невежественными. Факт есть деяние или явление, засвидетельствованное в документах. Документ может быть подделан или сфабрикован. Наконец, факт есть деяние или явление, фиксированное лично мной. Мои чувства могут быть притуплены или просто обмануты. Оказывается, что факт, как таковой, есть нечто весьма эфемерное, расплывчатое, недостоверное, и возникает естественная потребность вообще отказаться от такого понятия. Но в этом случае ложь и правда становятся первопонятиями, неопределенные через какие бы то ни было более общие категории... Существует Большая Правда и антипод ее - Большая Ложь. Большая Правда так велика и истинность ее так очевидна всякому нормальному человеку, каким являюсь я, что опровергать или искажать ее, то есть лгать, становится очевидно бессмысленным. Вот почему я никогда не лгу и, естественно, никогда не лжесвидетельствую.

- Тонко, - сказал Феофил, - очень тонко. Конечно, после Фарфуркиса останется эта его философия факта?

- Нет, - сказала коза, усмехаясь, - то есть философия останется, но Фарфуркис тут ни причем. Это не он ее придумал. Он вообще ничего не придумал, кроме своей диссертации, так что останется от него только эта диссертация, как образец работ такого рода.

Феофил задумался.

- Правильно ли я понял? - сказал Фарфуркис, обращаясь к Феофилу. - Что все кончено и мы можем продолжить свои занятия?

- Нет еще, - ответил Феофил, очнувшись от задумчивости. - Я хотел бы задать несколько вопросов вот этому гражданину...

- Как?! - вскричал пораженный Фарфуркис. - Лавру Федотовичу?!

- Общественность, - проговорил Лавр Федотович, глядя куда-то в бинокль.

- Вопросы к Лавру Федотовичу, - бормотал потрясенный Фарфуркис.

- Да, - подтвердила коза. - Вунюкову Лавру Федотовичу, год рождения...

- Все, - прошептал невидимый Эдик. - Энергии не хватает, этот Лавр - бездонная бочка...

- Да что же это такое!! - завопил в отчаянии Фарфуркис. - Товарищи! Да куда же мы опять заехали? Что это такое? Неприлично же...

- Правильно, - сказал Хлебовводов. - Не наше это дело. Пускай милиция разбирается.

- Грррм, - произнес Лавр Федотович. - Другие предложения есть? Вопросы к докладчику есть? Выражая общее мнение, я предлагаю дело номер двадцать девять рационализировать в качестве необъясненного явления, представляющего интерес для министерства пищевой промышленности и министерства финансов. В целях первичной утилизации предлагаю дело номер двадцать девять под наименованием "Заколдун" передать в прокуратуру Тьмускорпионьского района.

Я посмотрел на вершину холма. Лесник Феофил, тяжело опираясь на клюку, стоял на своем крылечке и из-под ладони озирает окрестности, коза бродила по огороду. Я, прощаясь, помахал им беретом. Горестный вздох невидимого Эдика прозвучал над моим ухом одновременно с тяжелым стуком Большой Круглой Печати.

ЭПИЛОГ

На другое утро, едва проснувшись, я тотчас почувствовал, как все горько и безнадежно. Эдик в одних трусах сидел за столом, подперев руками взлохмаченную голову, а перед ним, на листе газеты, поблескивали детали разобранного до винтика реморализатора. Сразу было видно, что Эдику тоже гадко и безнадежно.

Отшвырнув одеяло, я спустил ноги на пол, вытащил из кармана куртки сигарету и закурил. В других обстоятельствах этот нездоровый поступок вызвал бы немедленную и однозначную реакцию Эдика, не терпевшего расхлябанности и загрязненного воздуха. В других обстоятельствах и я сам бы не решился курить натошак при Эдике. Но сегодня нам было все равно. Мы были разгромлены, мы висели над пропастью.

Во-первых, мы не выспались. Это первое, как выразился бы Модест Матвеевич. До трех часов ночи мы угрюмо ворочались в постелях, подводя горькие итоги, открывали окна, пили воду, а я даже кусал подушку.

Мало того, что мы оказались бессильны перед этими канализаторами. Это было бы еще ничего. В конце концов нас никто никогда не учил, как с ними обращаться. Были мы еще жидковаты, да и зеленоваты, пожалуй.

Мало того, что все надежды получить хотя бы наш Черный Ящик и нашего Говоруна развеялись в дым после вчерашней исторической беседы у подъезда гостиницы. В конце концов противник обладал таким мощным оружием, как Большая Круглая Печать, и нам нечего было ей противопоставить. Но речь теперь шла о всей нашей дальнейшей судьбе.

Исторический разговор у подъезда происходил примерно так. Едва я подогнал запыленную машину к гостинице, как на крыльце возник из ничего непривычно суровый Эдик:

Эдик: Простите, Лавр Федотович, не можете ли вы уделить мне несколько минут?

Лавр Федотович: (сопит, облизывает комариные волдыри на руке, ждет, пока ему откроют дверцу машины).

Хлебовводов (сварливо): Прием окончен.

Эдик (сдвигая брови): Я хотел выяснить, когда будут исполнены наши заявки.

Лавр Федотович (Фарфуркису): Пиво - это от слова "пить".

Хлебовводов (ревниво): Точно так! Общественность любит пиво.

Все: (лезут из машины).

Комендант (Эдику): Да вы не волнуйтесь, в следующем же году рассмотрим ваши заявочки...

Эдик (внезапно осатанев): Я требую прекратить волокиту! (встает в дверях, мешая пройти).

Лавр Федотович: Грррм... Затруднение? Товарищ Хлебовводов, устраните.

Эдик (зарываясь): Я требую немедленного удовлетворения наших заявок!

Я (уныло): Да брось ты, безнадега ведь...

Комендант (испуганно): Христом-богом... Пресвятой Богородицей Тьмускорпионьской... молю...

Безобразная сцена. Хлебовводов, остановленный Эдиком, измеряет его взглядом с головы до ног. Эдик поспешно сбрасывает излишки ярости в виде маленьких шаровых молний. Вокруг собираются любознательные. Возглас из открытого окна: "Дай ему! Чего смотришь! По луковке!" Фарфуркис что-то

торопливо шепчет Лавру Федотовичу.

Лавр Федотович: Гррм... Надлежит продвигать нашу талантливую молодежь и предлагается: товарища Привалова утвердить в должности шофера при Тройке, а товарища Амперяна назначить ВРИО товарища заболевшего Выбегаллы с выплатой разницы в окладе. Товарищ Фарфуркис, приготовьте проект приказа. Копию - вниз. (Идет на Эдика).

Врожденная вежливость Эдика берет верх над всем прочим. Он уступает дорогу и даже открывает дверь перед пожилым человеком. Я ошеломлен, плохо вижу и плохо слышу.

Комендант (радостно пожимая мне руку): С повышением вас, товарищ Привалов! Вот все и уладилось...

Лавр Федотович (задерживаясь в дверях): Товарищ Зубо.

Комендант: Слушаю!

Лавр Федотович (шутит): Была вам, товарищ Зубо, сегодня баня, так сходите вы теперь сегодня в баню!

Жуткий хохот удаляющейся Тройки. Занавес.

Вспомнив эту сцену, вспомнив, что отныне и надолго мне суждено быть шофером при Тройке, я раздавил окурочку и прохрипел:

- Надо удирать.

- Нельзя, - сказал Эдик. - Позор.

- А оставаться - не позор?

- Позор, - согласился Эдик, - но мы - разведчики. Нас никто пока не освобождал от наших обязанностей. Надо стерпеть нестерпимое. Надо, Саша! Надо умыться, одеться и идти на заседание.

Я застонал, но не нашел, что возразить.

Мы умылись, оделись, мы даже позавтракали. Мы вышли в город, где все были заняты полезным, нужным делом. Мы угрюмо молчали, мы были жалки.

У входа в Колонию на меня вдруг напал из-за угла старикашка Эдельвейс. Эдик выхватил рубль, но это не произвело обычного действия. Материальные блага больше старикашку не интересовали, он жаждал благ духовных. Он требовал, чтобы я включился в качестве руководителя в работу по усовершенствованию его эвристического агрегата и для начала составил бы развернутый план такой работы, рассчитанной на время его, старикашки, учебы в аспирантуре.

Через пять минут беседы свет окончательно стал мраком перед моими глазами, горькие слова готовы были вырваться и страшные намерения близились к осуществлению. В отчаянии я понес какую-то околесицу насчет самообучающихся машин. Старик слушал меня, раскрыв рот, и впитывал каждый звук - по-моему он запоминал эту околесицу дословно. Затем меня осенило. Как опытный провокатор я спросил, достаточно ли сложной машиной является агрегат Машкина? Он немедленно и страстно заверил меня, что агрегат невообразимо сложный, что иногда он, Эдельвейс, сам не понимает, что там и к чему.

- Прекрасно, - сказал я, - известно, что всякая достаточно сложная электронная машина обладает способностью к самообучению и самовоспроизводству. Самовоспроизводство нам пока не нужно, а вот обучить агрегат Машкина печатать тексты самостоятельно, без человека - посредника, мы обязаны в самые короткие сроки. Как это сделать? Мы применим хорошо известный и многократно испытанный метод длительной тренировки.

- Метод "Монте-Карло", - вставил слегка оживший Эдик.

- Да, Монте-Карло, - продолжил я. - Преимущество этого метода - в простоте. Берется достаточно обширный текст, скажем, "Жизнь животных" Брема. Машкин садится за свой агрегат и начинает печатать слово за словом, строчку за строчкой, страницу за страницей. При этом анализатор агрегата будет анализировать...

- Думатель будет думать, - вставил Эдик.

- ...Да, именно думать... И таким образом, агрегат станет у нас обучаться. Вы и ахнуть не успеете, как он начнет сам печатать. Вот вам рубль подъемных и ступайте в библиотеку, за Бремом.

Эдельвейс поскакал в библиотеку, а мы, несколько ободренные этой маленькой победой над местными стихиями, первой нашей победой на семьдесят шестом этаже, пошли своей дорогой, радуясь, что с Эдельвейсом теперь покончено навсегда, что настырный старик не будет теперь путаться под ногами и мучить меня своей глупостью, а будет мирно сидеть себе за "Ремингтоном", колотить по клавишам и, высунув язык, срисовывать латинские

буквы. Он будет долго колотить и срисовывать, а когда мы покончим с Бремом, то возьмем для разгона тридцать томов Чарльза Диккенса, а там, даст бог, примемся за девяностотомное собрание сочинений Льва Николаевича со всеми письмами, статьями, заметками и комментариями...

Когда мы вошли в комнату заседаний, комендант что-то читал вслух, а канализаторы, вкупе с Выбегаллой слушали и кивали. Мы тихонько сели на свои места, взяли себя в руки и тоже стали слушать. Некоторое время мы ничего не понимали, да и не старались понять, но довольно скоро выяснилось, что Тройка занята сегодня разбором жалоб, заявлений и информационных сообщений от населения. Федя раньше рассказывал нам, что такое мероприятие проводится еженедельно.

На нашу долю выпало заслушать несколько писем. Школьники села Вунюшино сообщали про местную бабку Зою. Все говорят, что она ведьма, что из-за нее урожаи плохие, и внука своего, бывшего отличника Василия Кормилицына, она превратила в хулигана и двоечника за то, что он снес в утиль ее ногу. Школьники просили разобраться в этой ведьме, в которую они, как пионеры, не верят, и чтобы ученые объяснили научно, как это она портит урожаи и как это она превращает отличников в двоечников, нельзя ли ей переменить плюсы на минусы, чтобы она двоечников превращала в отличников.

Группа туристов наблюдала за Лопухами зеленого скорпиона, ростом с корову. Скорпион таинственным излучением усыпил дежурных и скрылся в лесах, похитив месячный запас продовольствия. Туристы предлагали свои услуги для поимки чудовища при условии, что им будут оплачены дорожные расходы.

Житель города Тъмускорпиони Заядлый П.Т. жаловался на соседа, второй год снимавшего у него молоко при помощи специальной аппаратуры. Требовалось найти управу.

Другой житель Тъмускорпиони, гр. Краснодевка С.Т., выражая негодование по поводу того, что городской парк загажен разными чудовищами и погулять стало нелегко. Во всем обвинялся комендант Зубо, использующий отходы колониальной кухни для откармливания трех личных свиней и безработного тунеядца зятя.

Сельский врач из села Бубнова сообщал, что при операции на брюшную полость гражданина Панцерманова ста пятнадцати лет, обнаружил у него в отростке слепой кишки древнюю согдийскую монету. Врач обращал внимание общественности на тот факт, что покойный Панцерманов в Средней Азии никогда не был и обнаруженной монеты никогда прежде не видел. На остальных сорока страницах письма высокоэрудированный эскулап изложил свои соображения относительно телепатии и четвертого измерения. Прилагались графики, фотографии аверса и реверса таинственной модели в натуральную величину.

Мероприятие осуществлялось вдумчиво и без поспешности. По прочтении каждого письма наступала длинная пауза, заполненная глубокомысленными междометиями. Потом Лавр Федотович продувал "Герцеговину Флор", обращал свой взор к Выбегалле и осведомлялся, какой проект ответа может доложить Тройке товарищ научный консультант. Выбегалло широко улыбался красными губами, обеими руками оглаживал бороду, и просив разрешения не вставать, оглашал требуемый проект. Он не баловал корреспондентов Тройки разнообразием. Форма ответа применялась стандартная: "Уважаемый (-ая), (-ые) гр...! Мы получили и прочли ваше интересное письмо. Сообщаемые вами факты хорошо известны науке и интереса для нее не представляют. Тем не менее мы горячо благодарим вас за ваше наблюдение и желаем вам успехов в работе и в личной жизни. Подпись." По-моему, это было лучшее из всех изобретений Выбегаллы. Нельзя было не испытать огромного удовольствия, посылая такое письмо в ответ на сообщение о том, что "Гр. ...шин просверлил в моей стене отверстие и пускает сквозь него отравляющих газов".

Но машина продолжала работать с удручающей монотонностью. Однообразно и гнусаво зудел комендант, сыто порывивал Лавр Федотович, шлепал губами Выбегалло. Смертельная апатия овладевала мною. Я сознавал, что это - разложение, что я погружаюсь в зыбучую трясиину духовной энтропии, но не хотелось больше бороться. "И ладно, - вяло думалось мне, - и пусть. И так люди живут. Все разумное - действительно, все действительное - разумно. А поскольку разумно, постольку и добро, а раз уж добро, то почти наверняка и вечно... И какая, в сущности разница между Лавром Федотовичем и Федором

Симеоновичем? Оба они бессмертны, оба они всемогущи. И чего ссориться? Непонятно... Что, собственно, человеку нужно? Тайны какие-нибудь загадочные? Не нужны они мне. Знания? Зачем знания при таком окладе денежного содержания? У Лавра Федотовича даже и преимущества есть. Он сам не думает, и другим не велит. Не допускает он переутомления своих сотрудников - добрый человек, внимательный. И карьеру под ним хорошо сделать, Фарфуркиса оттеснить, Хлебовводова - что они в самом деле... Дураки ведь, только авторитет начальства подрывают. А авторитет надо поднимать. Раз господь начальству ума не дал, то надобно ему хотя бы авторитет обеспечить. Ты ему авторитет, а он тебе все остальное. Полезным, главное, стать, нужным... правой рукой, или, в крайнем случае, левой..."

И я бы погиб, отравленный жуткими эманациями Большой Круглой Печати и банды канализаторов, и кончил бы жизнь свою в лучшем случае экспонатом нашего институтского вивария. И Эдик бы погиб. Он еще рыпался, он еще принимал позы, но все это была одна видимость, на самом же деле, как он мне позже признался, он в это время мечтал вытеснить Выбегаллу и получить для застройки участок в пригороде. Да, погибли бы мы. Стопали бы нас, воспользовавшись нашим отчаянием и упадком духа. Но в какой-то из этих страшных моментов немой гром потряс вокруг нас вселенную. мы очнулись. Дверь была распахнута. На пороге стояли Федор Симеонович и Кристоаль Хозевич.

Они были в неопишемом гневе. Они были ужасны. Там, куда падал их взор, дымились стены и плавилась стекла. Вспыхнул и обвалился плакат про народ и сенсации. Дом дрожал и вибрировал, дыбом поднялся паркет, а стулья присели на ослабевших ножках. Этого невозможно было вынести, и Тройка этого не вынесла.

Хлебовводов и Фарфуркис, тыча друг в друга трепещущими дланями, хором возопили: "Это не я! Это все он!", обратились в желтый пар и рассеялись без следа.

Профессор Выбегалло пролепетал: "Мон дье", нырнул под свой столик и, извлекая оттуда обширный портфель, протянул его громовержцам со словами: "Эта... все материалы, значить, об этих прохвостах у меня здесь собраны, вот они, материалы-та".

Комендант истово рванул на себе ворот и пал на колени.

Лавр Федотович, ощутив вокруг себя некоторое неудобство, беспокойно заворочал шеей и поднялся, упираясь руками в зеленое сукно.

Федор Симеонович подошел к нам, обнял нас за плечи и прижал к своему обширному чреву.

- Ну-ну, - прогудел он, когда мы, стукнувшись головами, припали к нему. - Н-ничего, м-молодцы... Т-три дня все-таки продержались... З-здорово...

Сквозь слезы, застилавшие глаза, я увидел, как Кристоаль Хозевич, зловеще играя тростью, приблизился к Лавру Федотовичу и приказал ему сквозь зубы:

- Пшел вон.

Лавр Федотович медленно удивился.

- Общественность... - произнес он.

- Вон!!! - взревел Хунта.

Секунду они смотрели друг другу в глаза. Затем в лице Лавра Федотовича зашевелилось что-то человеческое - не то стыд, не то страх, не то злоба. Он неторопливо сложил в портфель свое председательское оборудование и проговорил:

- Есть предложение, ввиду особых обстоятельств, прервать заседание Тройки на неопределенный срок.

- Навсегда, - сказал Кристоаль Хозевич, кладя трость поперек стола.

- Грррм... - проговорил Лавр Федотович с сомнением. Величественно обогнул стол, ни на кого не глядя, сообщил:

- Есть мнение, что мы еще встретимся в другое время и в другом месте.

- Вряд ли, - презрительно сказал Хунта, скусывая кончик сигары.

И мы действительно встретились с Лавром Федотовичем совсем в другое время и совсем в другом месте.

Это, впрочем, совсем другая история.